

Православный

МАЙ 2020

ВЕСТНИК

Свято-Николаевский Храм Русской
Православной Церкви Заграницей
г. Аделаида, Австралия

Содержание

3 Святой великомученик
Георгий Победоносец

7 «Да будет воля Твоя...»

8 Четыре всадника

11 Не про вирус

12 Скрипка, хлеб и
зажигалка

17 Давайте пригласим Бога
на нашу молитву

19 Наши раны – наша сила

22 Странная Пасха. Как Бог
учил меня, а потом утешал

25 Письма
второклассников к Богу

27 В эти майские дни,
вспоминая войну

29 Маршал Жуков и
сержант Авдеев

33 Кто беден и кто богат

34 Святая Троица

Редакционная коллегия:

Протоиерей Владимир Дедюхин,
Константин и Наталия Жуковские

www.saintnicholasadelaide.org.au

e-mail: St.Nicholas.Vestnik@gmail.com

Святой великомученик Георгий Победоносец

6 мая (23 апреля ст.ст.)

Святой великомученик Георгий Победоносец, родом из Каппадокии (область в Малой Азии), вырос в глубоко верующей христианской семье. Его отец принял мученическую кончину за Христа, когда Георгий был еще в детском возрасте. Мать, владевшая имениями в Палестине, переселилась с сыном на родину и воспитала его в строгом благочестии.

Поступив на службу в римское войско, святой Георгий, красивый, мужественный и храбрый в сражениях, был замечен императором Диоклитианом (284-305) и принят в его стражу со званием комита – одного из старших военачальников.

Император-язычник, много сделавший для возрождения римского могущества и ясно понимавший, какую опасность представляет для языческой цивилизации торжество Распятого Спасителя, в последние годы правления особенно усилил гонения на христиан. На совете сената в Никомидии Диоклитиан предоставил всем правителям полную свободу в расправе над христианами и обещал свою всемерную помощь.

Святой Георгий, узнав о решении императора, раздал нищим свое наследство, отпустил на волю рабов и явился в Сенат. Мужественный воин Христов открыто выступил против императорского замысла, исповедал себя

христианином и призвал всех признать истинную веру во Христа: «Я раб Христа, Бога моего, и, уповая на Него, предстал среди вас по своей воле, чтобы свидетельствовать об Истине». «Что есть Истина?» – повторил вопрос Пилата один из сановников. «Истина есть Сам Христос, гонимый вами», – отвечал святой.

Ошеломлённый дерзновенной речью доблестного воина, император, который любил и возвышал Георгия, попытался уговорить его не губить своей молодости, славы и чести, но принести по обычаю римлян, жертву богам. На это последовал решительный ответ исповедника: «Ничто в этой непостоянной жизни не ослабит моего желания служить Богу». Тогда по приказу разгневанного императора оруженосцы стали копьями выталкивать святого Георгия из зала собрания, чтобы увести в темницу. Но сама смертоносная сталь становилась мягкой и гнулась, как только копьё касалось тела святого, и не причиняла ему боли. В темнице мученику забили ноги в колодки и придавили грудь тяжёлым камнем.

На другой день на допросе, обессиленный, но твёрдый духом, святой Георгий вновь отвечал императору: «Скорее ты изнеможешь, мучая меня, нежели я, мучимый тобою». Тогда Диоклитиан повелел подвергнуть Георгия самым изощренным пыткам. Великомученика

привязали к колесу, под которым были устроены доски с железными острьями. При вращении колеса острые лезвия резали обнаженное тело святого. Сначала страдалец громко призывал Господа, но вскоре затих, не испуская ни единого стона. Диоклитиан решил, что истязаемый уже умер, и, распорядившись снять истерзанное тело с колеса, отправился в капище вознести благодарственную жертву. В этот момент вокруг потемнело, грянул гром, и был слышен глас: «Не бойся, Георгий, Я с тобою». Затем воссиял дивный свет и у колеса появился Ангел Господень в образе светоносного юноши. И едва возложил он руку на мученика, сказав ему: «Радуйся!» – как святой Георгий восстал исцелённым. Когда воины отвели его в капище, где был император, последний не верил глазам своим и думал, что пред ним другой человек или призрак. В недоумении и ужасе всматривались язычники в святого Георгия и убеждались в том, что действительно произошло чудо. Многие тогда уверовали в Животворящего Бога христиан. Два знатных сановника, святые Анатолий и Протолеон, тайные христиане, тотчас открыто исповедали Христа. Их тут же, без суда, по приказу императора усекли мечом. Познала истину и, царица Александра, супруга Диоклитиана, находившаяся в капище. Она тоже порывалась прославить Христа, но её удержал один из слуг императора и увёл во дворец.

Император ещё более ожесточился. Не теряя надежды сломить святого Георгия, он предавал его на новые страшные пытки. Сбросив в глубокий ров, святого мученика засыпали негашеной известью. Через три дня его откопали, но нашли его радостным и невредимым. Святого обули в железные сапоги с раскаленными гвоздями и с побоями погнали до темницы. Утром же, когда его привели на допрос, бодрого, со здоровыми ногами, он сказал императору, что ему понравились сапоги. Его били воловьими жилами так, что тело и кровь смешались с землей, но мужественный страдалец, подкрепляемый силой Божией, оставался непреклонным.

Решив, что волшебство помогает святому, император призвал волхва Афанасия, чтобы тот сумел лишить святого чудодейственной силы, или отравил его. Волхв преподнёс святому

Георгию две чаши со снадобьями, одно из которых должно было сделать его покорным, а другое – умертвить. Но и зелья не действовали – святой по-прежнему обличал языческие суеверия и славил Истинного Бога.

На вопрос императора, какая же сила помогает мученику, святой Георгий отвечал: «Не думай, что не вредят мне муки благодаря человеческому усилию, – я спасаюсь только призыванием Христа и Его силою. Верующий в Него ни во что вменяет мучения и способен сотворить дела, которые сотворил Христос» (Ин. 14, 12). Диоклитиан спросил, каковы же дела Христовы. «Слепых просвещать, прокаженных очищать, подавать хромым хождение, глухим – слух, изгонять бесов, воскрешать умерших». Зная, что ещё никогда ни волхование, ни ведомые ему боги не могли воскресить мёртвого, император, чтобы посрамить упование святого, велел ему на его глазах воскресить умершего. На это святой сказал: «Ты искушаешь меня, но ради спасения народа, который увидит дело Христово, Бог мой сотворит это знамение». И когда святого Георгия подвели к гробнице, он воззвал: «Господи! Покажи предстоящим, что Ты Бог Единый по всей земле, да познают Тебя, Всесильного Господа». И потряслась земля, гробница отверзлась, мертвец ожил и вышел из неё. Воочию увидев явление всемогущей силы Христовой, народ рыдал и прославлял Истинного Бога. Волхв Афанасий, припав к ногам святого Георгия, исповедал Христа Всесильным Богом и просил прощения за грехи, совершенные в неведении. Однако закоснелый в нечестии император не вразумился: он в ярости приказал обезглавить уверовавшего Афанасия, а также воскрешённого человека, а святого Георгия опять заточил в темницу. Люди, обременённые недугами, разными способами стали проникать в темницу и там получали от святого исцеление и помощь. Обратился к нему в скорби и некий земледелец Гликерий, у которого пал вол. Святой с улыбкой утешил его и заверил, что Бог возвратит вола к жизни. Увидев дома ожившего вола, земледелец по всему городу стал прославлять Бога христианского. По приказу императора святой Гликерий был схвачен и обезглавлен.

Подвиги и чудеса великомученика Георгия умножали число христиан, поэтому

Диоклитиан решил сделать последнюю попытку заставить святого принести жертвы идолам. Начали готовить судилище при капище Аполлона. В последнюю ночь святой мученик усердно молился, а когда задремал, увидел Самого Господа, Который поднял его Своей рукой, обнял и поцеловал. Спаситель возложил на главу великомученика венец и сказал: «Не бойся, но дерзай и сподобишься царствовать со Мною».

Наутро в судилище император предложил святому Георгию новое испытание – он предлагал ему стать своим соправителем. Святой мученик с притворной готовностью ответил, что императору с самого начала следовало не мучить его, а оказать подобную милость, и при этом выразил желание немедленно идти в капище Аполлона. Диоклитиан решил, что мученик принимает его предложение, и последовал с ним в капище в сопровождении свиты и народа. Все ждали, что святой Георгий принесёт жертву богам. Он же, подойдя к истукану, сотворил крестное знамение и обратился к нему, как к живому: «Ты ли хочешь принять от меня жертву как Бог?» Бес, обитавший в идоле, закричал: «Я не Бог и никто из подобных мне не Бог. Един Бог только Тот, которого ты проповедуешь. Мы из служащих Ему Ангелов сделались отступниками, и, одержимые завистью, прельщаем людей». «Как же дерзаете вы быть здесь, когда сюда пришел я, служитель Истинного Бога?» – спросил святой. Послышался шум и плач, идола пали и сокрушились.

Поднялось всеобщее смятение. На святого мученика в неистовстве накинулись жрецы и многие из толпы, связали его, стали бить и требовать немедленной казни.

На шум и крики поспешила святая царица Александра. Пробираясь через толпу, она кричала: «Бог Георгиев, помоги мне, так как Ты Един Всесилен». У ног великомученика святая царица славилась Христа, унижая идолов и поклонявшихся им.

Диоклитиан в исступлении немедленно вынес смертный приговор великомученику Георгию и святой царице Александре, которая без сопротивления последовала за святым Георгием на казнь. По дороге она изнемогла и без чувств прислонилась к стене. Все решили,

что царица скончалась. Святой Георгий возблагодарил Бога и молился, чтобы и его путь окончился достойно. На месте казни святой в горячей молитве просил Господа, чтобы Он простил мучителей, не ведавших, что творят, и привел их к познанию Истины. Спокойно и мужественно святой великомученик Георгий преклонил свою главу под меч. Это было 23 апреля 303 года.

В растерянности взирали на своего Победителя палачи и судьи. В кровавой агонии и бессмысленных метаниях кончалась эра язычества. Прошло всего десять лет – и святой равноапостольный Константин, один из преемников Диоклитиана на римском престоле, прикажет начертать на знаменах Крест и завет, запечатленный кровью Великомученика и Победоносца Георгия и тысяч неведомых мучеников: «Сим победиши».

Из многих чудес, совершённых святым великомучеником Георгием, наиболее известное запечатлено в иконографии. На родине святого, в городе Бейруте, было много идолопоклонников. Около города, близ Ливанских гор, находилось большое озеро, в котором жил громадный змей. Выходя из озера, он пожирал людей, и жители ничего не могли поделать, так как от одного его дыхания заражался воздух.

По научению бесов, живших в идолах, царь принял такое решение: каждый день жители должны были по жребию отдавать в пищу змею своих детей и когда очередь дойдёт до него, он обещал отдать свою единственную дочь. Прошло время, и царь, нарядив её в лучшие одежды, отправил к озеру. Горько плакала девушка, ожидая смертного часа. Неожиданно к ней подъехал на коне великомученик Георгий с копьем в руке. Девушка упрашивала его не оставаться с ней, чтобы не погибнуть. Но святой, увидев змея, осенил себя крестным знамением и со словами «во Имя Отца и Сына и Святого Духа» устремился на него. Великомученик Георгий пронзил гортань змея копьем и попрал его конем. Затем он велел девушке связать змея своим поясом и, как пса вести в город. Жители в страхе разбежались, но святой остановил их словами: «Не бойтесь, но уповайте на Господа Иисуса Христа и веруйте в Него, ибо это Он послал меня к вам, чтобы спасти вас». Затем святой убил змея мечом, а жители сожгли его за городом. Двадцать пять тысяч человек, не считая женщин и детей, крестились тогда, и была построена церковь во имя Пресвятой Богородицы и великомученика Георгия.

Святой Георгий мог стать талантливым полководцем и удивить мир воинскими подвигами. Он скончался, когда ему не было и 30 лет. Спеша соединиться с воинством Небесным, он вошёл в историю Церкви как Победоносец. С этим именем прославился он с самого начала христианства и на Святой Руси.

Святой Георгий Победоносец был ангелом и покровителем нескольких великих строителей русской государственности и русской военной мощи. Сын святого равноапостольного Владимира, Ярослав Мудрый, во святом Крещении Георгий, много способствовал почитанию святого в Русской Церкви. Он построил город Юрьев, основал Юрьевский монастырь в Новгороде, воздвиг храм святого Георгия Победоносца в Киеве. День освящения Киевского Георгиевского храма, совершенного 26 ноября 1051 года Святителем Иларионом, митрополитом Киевским и всея Руси, навсегда вошёл в литургическую сокровищницу Церкви как особый церковный праздник, Юрьев день, любимый русским народом «осенний Георгий».

Имя святого Георгия носил основатель

Москвы Юрий Долгорукий, создатель многих Георгиевских храмов, строитель города Юрьева-Польского. В 1238 году героическую борьбу русского народа с монгольскими ордами возглавил великий князь Владимирский Юрий (Георгий) Всеволодович († 1238; память 4 февраля), сложивший голову в битве на реке Сити. Память о нём, как о Егории Храбром, защитнике родной земли, отразилась в русских духовных стихах и былинах. Первым великим князем Московским, в период, когда Москва становилась центром собирания земли Русской, был Юрий Данилович († 1325) – сын святого Даниила Московского, внук святого Александра Невского. С того времени святой Георгий Победоносец – всадник, поражающий змея – стал гербом Москвы и эмблемой Русского государства. И это ещё глубже укрепило связи христианских народов и особенно с единой Иверией (Грузией – страной Георгия).

Святая царица Александра, о мнимой кончине которой было записано в мученических актах святого Георгия, составленных сразу после его кончины, сподобилась, однако, мученического венца несколькими годами позже, в 314 году.

За эти годы произошло много событий. Император Диоклитиан в 305 году отрекся от престола и власть перешла к его соправителю Максимиану Галерию (305-311), фанатику язычества, грубому и жестокому воину. Его женой была дочь святой царицы Александры – святая мученица Валерия, которую Диоклитиан выдал замуж против ее воли ещё в годы своего правления. Святая Александра воспитала дочь в христианском благочестии. Когда умер Галерий, император Максимиан стал домогаться её руки. Получив отказ, он сослал святую Валерию в Сирию, где она жила вместе с матерью. После смерти Максимиана в 313 году мать и дочь прибыли в Никомидию, надеясь на милость императора Ликиния (313-324). Вместе со святым равноапостольным царем Константином он подписал Миланский эдикт, который предоставлял христианам свободу вероисповедания, однако втайне оставался врагом христианства. Ликиний приказал казнить святую царицу Александру и дочь её Валерию. Они были обезглавлены, и тела их бросили в море.

«Да будет воля Твоя...»

Сейчас наступило странное время: унылое, но волнительное; скучное, но с новыми открытиями. И вроде бы есть некие ограничения в период пандемии, но расширились внутренние просторы для деятельности тела, души и мысли.

Впечатление, что поезд нашей общей жизни разогнался и мчался по рельсам с ветерком, весело, суматошно. И всё, кроме этой бешеной гонки, отходило на второй план: главное было – ехать. А тут вдруг кто-то дёрнул стоп-кран – толчок и металлический лязг тормозов.

И все стали задавать себе вопросы. Мы перестали мчаться куда-то вдаль? Почему? И что нам теперь делать? Кто-то станет выплядывать из окна и слушать чьё-то очень компетентное мнение и совсем не компетентное, кто-то бежать впереди паровоза, кто-то роптать и искать виновных, а кто-то не забудет сказать: «Спасибо, Господи, за всё».

Последние десятилетия мы наблюдали людскую гонку бегом, пешком, на самокате или на паровозе. А ещё на круизных лайнерах и на самолётах, летящих «до Парижу». Стало модным успеть побывать везде!

К счастью, в мире ещё оставались люди, у которых в Великий Пост всё притормаживалось, замедлялось, успокаивалось. Так было у многих. Не только у христиан. Несколько раз я слышала от людей другого вероисповедания, что март и апрель – удивительные месяцы в году, в это время всё течёт по-другому, замедляется и успокаивается. Но большинство – разгонялось и разгонялось, бежало и бежало, не делая никакой мартовско-апрельской передышки.

И сработал стоп-кран под названием коронавирус! Он замедлил гонку и даже остановил её. Было ли такое когда-нибудь раньше? Было. Нас – человечество – иногда надо тормозить. Чтобы неразумные дети не разбились на скорости безоглядной жизни.

На днях, умудрённый сединами человек, раньше называвший себя неверующим, сказал мне, что нынешняя ситуация показала ему, что Бог всё-таки есть, и в него невозможно теперь не верить.

Настало время феноменологической редукции, о которой говорят философы-идеалисты. Феноменология стартовала с тезиса немецкого философа Эдмунда Гуссерля: «Назад, к самим вещам». И вот коронованный вирус развернул нас всех лицом к «самим вещам», заставил притормозить и задуматься о цели бездумной гонки.

Пандемия принесла самоограничения или даже карантин. Рывок стоп-крана и последующий скрежет тормозов перекатывался из страны в страну, охватывая постепенно весь мир, приводя людей в лёгкий или глубокий шок. Такая ранее привычная для нас рутина получила надлом, пошла волна депрессий, следом подняли голову агрессия и даже шовинизм.

Но через пару недель у адекватных людей всё стало успокаиваться. Стали задавать себе вопросы: «Кто мы? Во что верим? Как живём? И без чего мы прожить можем, а без чего нет?» И вот тут для умных и думающих стала срабатывать феноменологическая редукция: отшелушилось всё ненужное, и осталась только сама суть жизни.

Пандемия изменила жизнь абсолютно всем: и тем, кто сейчас потерял работу, и пенсионерам, и всё ещё работающим. Кому-то стало трудно финансово, кому-то скучно сидеть дома, а для кого-то увеличилась нагрузка. Как ни странно, сейчас ленинский тезис «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» прочитывается под новым ракурсом. Оказывается, все мы зависим от общества, от чьего-то личного мнения и нагнетания страха, от инфекций и вирусов, от бытовых привычек

и излишеств. У многих появился страх перед возможной близкой смертью, у всех была или всё ещё остаётся тревога.

Но в глобальном смысле в нынешней ситуации чётко просматривается милость Божья, не наказание, как многие говорят, а всё-таки милость. Это подсказка всем нам, что пришло время притормозить наш бег, а может и остановить его, хотя бы ненадолго. Наверное, Бог увидел, что без всеобщей тишины многим из людей не расслышать было грядущую Пасху, не увидеть Вознесения и не прочувствовать дыхание Святого Духа.

Закрылись храмы для прихожан, но Церковь пришла в каждый дом. В каждый, где ей захотели открыть двери (=включить компьютеры). Во время Пасхальной ночной службы малочисленность присутствующих в храме дала возможность почувствовать, глядя на экран монитора, каково было ранним христианам во времена гонений: их было ещё не так много, и им приходилось преодолевать сопротивление языческого мира. Мы тоже оказались в некоторых условных катакомбах, но ведь из них намного лучше виден Божественный Свет вверху.

Наталья Жуковская

Четыре всадника

Сейчас часто можно услышать слова о том, что мир меняется, и уже никогда не будет таким, каким был прежде. Причём эту мысль высказывают и верующие, и атеисты, хотя каждый понимает её по-своему. Это подобно тому, как можно по-разному рассуждать о движении корабля. Можно сказать, что корабль движется по морю потому, что в его двигателях сгорает топливо, полученная при сгорании энергия приводит в движение винт и т.д. А можно сказать, что причина движения в том, что кто-то заказал перевозку груза из одной точки мира в другую, и вот, в соответствии с фрахтом, корабль, нагруженный определённым товаром, передвигается по заранее определённому курсу в требуемый порт.

По мнению материалистов, для понимания мира требуется знание законов природы, общества и мышления. Верующий же человек стремится к познанию воли Бога и к жизни в соответствии с этой волей. Одним из источников знания этой воли является Священное Писание, где особо выделяется книга Откровения или Апокалипсиса св. Иоанна Богослова. При этом сама эта книга загадочна и полна тайн. Однако ряд событий последнего времени заставляет

вспомнить о многих образах пророчества, которые явно говорят о прохождении рубежных точек, за которыми мир должен необратимо поменяться.

Прежде всего, это снятие печатей с таинственной Книги, запечатанной семью печатями (Откр. Гл. 5). И поначалу не было никого, достойного раскрыть эту книгу и даже посмотреть в неё. Но вот один из старцев сообщил Тайнозрителю, что *лев от колена Иудина, корень Давидов, победил, и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее* (Откр. 5:5). Тот, Кто оказался достойным сделать это, назван Агнцем как бы закланным (Откр. 5:6) и это не случайно.

Ведь Господь Иисус Христос (происходящий из колена Иудина, от корня Давидова), подобно агнцу принёс Себя в жертву ради того, чтобы ценой этой жертвы явить сыновьям Израилевым спасительную истину о том, что смерть принесена в человеческую природу именно грехом. Тот же, кто в совершенстве исполняет волю Отца, побеждает грех и имеет власть над смертью. И вот именно Ему, открывшему нам всем эту истину, позволено снять печати и

открыть книгу, содержащую в себе волю Отца к спасению всего мира. И тот факт, что никто более не оказался достоин сделать это, может означать лишь то, что снятие этих печатей сопряжено с исполнением Божьего плана не столько по наказанию мира – наказание могли бы выполнить и ангелы – но по явлению всему миру спасительной Истины. Т.е. это то, что до этого смог исполнить лишь Он – Агнец Божий.

При снятии первых четырёх печатей одно из четырёх животных, стоящих вокруг престола, поочередно провозглашало «Прииди» (Ἔρχου – в Синодальном переводе это слово переведено как «Иди и смотри», как если бы оно было обращено к Тайнозрителю), и при этом перед Тайнозрителем появлялся один из четырёх всадников.

И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри.

Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить.

И когда он снял вторую печать, я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри.

И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч.

И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей.

И слышал я голос посреди четырех животных, говорящий: хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; еля же и вина не повреждай.

И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри.

И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя “смерть”; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными. (Откр. 6:1-8).

О первом всаднике сказано очень мало: кроме цвета коня о нём известно лишь то, что он имел лук (надо полагать, что и стрелы тоже) и дан был ему венец (корона), а также сказано, что он вышел как победоносный и чтобы победить. Но с другой стороны именно скудность описания

заставляет внимательно ценить каждое слово. Как нам представляется, ключевым словом в данном описании оказывается именно слово «корона» (русское слово – «венец»), по сути дела по имени называющее неожиданно вошедший в жизнь всего мира вирус, который буквально оказался победителем всего мира. Вирус словно невидимыми стрелами, пущенными из лука, поражает людей, и опять же этот атрибут первого всадника оказывается как нельзя к месту. Но самое главное здесь то, что этот вирус не просто поразил человечество как бич Божий, но то, что он открыл миру глаза на многое.

Собственно говоря, действие разворачивается на наших глазах, мы ещё не всё увидели, и подводить итоги ещё рано, но уже сейчас многие европейцы смогли увидеть, чего на деле стоит так называемая «европейская солидарность». Те, кто до этого поливал Россию грязью, вдруг самой жизнью оказались посажены в лужу: они по-пиратски воровали помощь у своих «союзников», а Россия помогала своим «противникам». Впервые за многие десятилетия и даже столетия практически по всему миру закрылись увеселительные заведения: казино, бордели, концертные залы и стадионы. Сразу стало видно, кого из мировых правителей интересуют лишь деньги, а кто радеет о жизнях людей.

Вирус заставил человечество войти в такой вынужденный пост, как бы давая людям подобно ниневитянам шанс на покаяние. И, наверное, от того, насколько мы все вместе воспользуемся этим шансом, будет зависеть наша дальнейшая судьба – ведь посмотрите: дальнейшие страшные бедствия поражают не всю землю, а лишь её четвертую часть.

Между тем нарастает внутренняя напряжённость в прежде благополучных странах: в США люди с оружием врываются в государственные заведения, во многих штатах возникают сепаратистские тенденции и медленно, но верно идёт «майданизация» этой страны по украинскому образцу. Нарастает международная напряжённость – усилиями тех же американцев уже почти не осталось

международных договоров по сдерживанию вооружений – вот-вот истечёт срок договора ОСВ-III. Сможем ли мы удержаться на этой грани, или в нашу жизнь войдёт и второй всадник, которому суждено принести в мир меч?

Уже сейчас становится ясно, что в ближайшие годы по всему миру могут возникнуть проблемы с продовольствием, и это не удивительно – из-за вируса некому работать на полях. Уже объявлено о сокращении экспорта пшеницы из России, являющейся одним из крупнейших мировых поставщиков зерна. И тогда на сцену может выйти всадник с мерой в руке и всё, что можно будет взять за дневную оплату – хиникс (около 1 литра) пшеницы или 3 хиникса ячменя. Вино же и елей (а с ними, возможно, и другие продукты «сельскохозяйственной роскоши») дефицитом не будут, но можно ли ими утолить голод? Россия и Австралия теоретически могут обеспечить себя хлебом, но здесь надо оговориться: если познают волю Божию и не пойдут против неё.

И те, кого не вразумит даже это, познают на себе «земной ад», который принесёт с собой четвёртый всадник. Здесь будет всё: и войны, и голод, и моровые болезни (перед которыми коронавирус будет выглядеть как безобидный грипп), и дикие звери, которые как по сговору начнут вредить людям.

Не хочется пока об этом говорить, хочется выразить надежду на всеобщее покаяние и вразумление...

А главное о чём надо помнить – воплощать Божий план в жизнь будет Агнец, и Его цель не в том, чтобы нас наказать, но в том, чтобы вразумить через явление нам спасительной Истины!

Не про вирус

Я не врач, не биолог, не вирусолог и вообще не эксперт ни в одной из популярных нынче областей, поэтому никакой практической ценности то, что я сейчас скажу, не имеет. Но все же мне важно это произнести.

Больше десяти лет я занимаюсь благотворительностью. Точнее – организацией благотворительной помощи. Адресатами нашей работы все эти годы были в основном дети, заболевшие раком.

По мере своих небольших сил мы пытались помогать врачам. Как умели – поддерживали семьи. И – что тут скрывать – хоронили.

Не знаю, сколько было в вашей жизни детских похорон. Надеюсь – ни одних не было и ни одних не будет, потому что провожать прожитую жизнь больно, а не-прожитую – невыносимо. Это против законов природы, это против психики, против нормы. Но это случается.

Нельзя сказать, что с этим ничего не поделаешь. Наука стоит у своих пробирок, выдумывая новые лекарства, врачи работают днями, а ночами читают новые научные статьи, стараясь усовершенствовать протоколы лечения. Жизнь борется со смертью. Довольно часто она проигрывает.

Стоя совсем рядом со всем этим, я сделала для себя несколько очень важных выводов. Первый – смерть как никто другой умеет выставлять приоритеты. Вчера вас безумно волновало, что у ребёнка три тройка в четверти, что он отказывается мыть посуду и неделю таскает в портфеле сгнивший яблочный огрызок, что он попал в плохую компанию, хамит и проколол себе пупок. Сегодня вы слышите слово «лейкоз», и внезапно доподлинно, в деталях, понимаете, где именно на шкале ценностей находятся огрызок, пупок и вот это наглое «не указывай мне, я уже взрослый».

Вчера вас беспокоило, что ваша облезлая машина не выдерживает конкуренции с соседским лимузином, что сервант, шуба и ковер у вас не очень... Сегодня вы уже кое-что поняли об истинной ценности того лимузина. Видимо, таково свойство смерти.

Я ничего не знаю про вирусы, поэтому скажу осторожно: нам пригрозили смертельной опасностью. Что ж. Мы пересматриваем приоритеты.

Всем человечеством пытаемся понять, как же это вышло, что мы платили миллиарды футболистам за то, что они пинали мячик, и гроши – эпидемиологам, которые выдумывали вакцины. Сотни тысяч долларов – бездарным эстрадным звёздам, и жалкие сотни рублей – медсёстрам. Как получилось, что мы позволили вложить миллионы в круглогодичную истерическую иллюминацию и наматываем на голову труссы, потому что негде взять медицинскую маску. Почему нас так остро волновало состояние чужой нравственности – и так мало беспокоило состояние своих больниц... Почему мы так уважали болтунов и шутов и были так строги к тем, на кого готовы молиться теперь – к врачам.

Нас здорово напугали. Может быть, мы сможем вынести из этих дней что-то кроме опыта страха и ненависти.

Второй мой вывод тоже сделан в коридорах детских онкологических клиник. Рак требует «карантина». Так принято в наших больницах. Маленькие узники стерильных боксов проводят свою жизнь в крошечных замкнутых пространствах, привязанные к капельницам. К ним или нельзя войти вообще, или – при ослаблении – можно, но в халате, маске, шапочке, специальных бахилах. Они месяцами не слезают с кроватей. Им нельзя ничего.

Мама одного из этих детей плакала, рассказывая мне про немецкую клинику, в которую она привезла своего сына. Там можно было играть в песочнице, спать с любимым плюшевым медведем, гулять и принимать гостей. Тамашние врачи не боялись «внешних» инфекций, а остерегались только самых страшных, внутрибольничных. Когда мама спросила, почему все устроено именно так, немцы ответили:

– Если привязать человека к кровати, он перестанет бороться. Просто больше не захочет жить.

Нам всем, вероятно, предстоит сложные времена.

Давайте попробуем пережить их так, чтобы не потерять по пути то, ради чего живем. Свою свободу. Свою работу. Свое дело. Своих друзей. Жизнь без всего этого не стоит всех затраченных хлопот.

Татьяна Краснова

Скрипка, хлеб и зажигалка

Протоиерей Андрей Ткачѳв

Теоретическое человекоубийство

Безбожнику тоже нужно верить. Во что-то. Например, в вечность материи. Это его догмат. Потом ему нужно совершить мысленный кульбит и приписать очевидно мѳртовой материи способность порождать жизнь. И хотя ни одна женщина в мире не зачинала от трупа, безбожник верит, что мѳртовое способно рождать. Да и не просто рождать, а, судя по окружающему богатству жизни, просто фонтанировать бесконечным разнообразием живых форм. Свѳрнутое в трубочку жало пчелы (о чем говорил Василий Великий), кровеносная система мельчайшего насекомого (что удивляло Паскаля), радужная оболочка глаза (которой сам Дарвин удивлялся) для безбожника равно сотворены ничего не чувствующей, ничего не понимающей и ничего не хотящей материей. Материи наплевать, кого она породила. Она ничего о своём порождении не знает.

Как-то так. И это, конечно, бред, но этот бред вполне устраивает рядового атеиста.

Вера Божия учит ясно, что Жизнь (Бог) сначала, а Смерть (после грехопадения) потом. Эволюционисты учат, что Смерть (холодная, бездыханная, безглазая материя) сначала, а жизнь (притом случайно) – потом. Опять же вера учит, что Смерть лишь на время, а Жизнь (после воскрешения мертвых) навсегда. Эволюционисты же сокрушают душу человека беспросветным учением о том, что жизнь только на малое время, зато Смерть навсегда. И на фоне этой вечной, по их мнению, смерти сама жизнь превращается в мыльный пузырь и злую насмешку. Вот вам миллиарды лет в мѳртовой вселенной, а вот – ваше 70-летнее трепыхание перед вечным исчезновением. Хороша картинка!

Атеизм и эволюционизм есть по сути человекоубийство. Теоретическое

человекоубийство, открывающее двери для осязаемых издевательств над людской природой. Никогда люди не были так жестоки и циничны, как после повального увлечения безбожными идеями.

70 лет правления советской власти были годами правления дарвинистов и материалистов. Видит Бог, никогда более подло, более организовано, более беспринципно и бесчеловечно не угнетался на земле простой человек. Концлагеря, аборт и прочие радости «социалистического быта» есть плоды именно социального дарвинизма. Теоретически лишенный бессмертной души и вечной жизни, человек был удобно лишен и достоинства, и свободы. Из догматики всегда вырастает практика. И практика безбожной догматики ужасна.

Грешить «просто так» человек не хочет и не может. В своих собственных глазах он хочет выглядеть не грешником и не подлецом, а поборником истины и героем. Для этого греху всегда нужна теория. И сначала человек отворачивает взгляд от Бога, а затем, уткнувшись в землю, ищет в её глубине или на поверхности аргументы для своего поведения. Грех, подкреплѳнный хоть какой-нибудь теорией, приобретает крылья для широкого распространения. И следующие поколения людей, уже родившиеся в атмосфере безбожной догматики, будут грешить всё свободнее и спокойнее, оправдываясь «наукой» и множеством окружающих примеров.

Вера в то, что человек произошёл от животного, очень стара. У неё есть название – тотемизм. На языке одного из североамериканских племѳн «тотем» – это имя природного явления, чаще – животного, с которым люди связывают своё происхождение. Одно племя может считать себя состоящим в родственных отношениях с речной водой,

другое – одним из плодовых деревьев. Но чаще всего древние люди видели прародителя в орле, или волке, или леопарде. Индусы в их отношении к корове вполне наглядны до сих пор. Остается только удивляться, почему европейский человек XIX века отвернулся от светлой религии Воскресения и избрал себе в качестве тотема, ближайшего родственника и прародителя – обезьяну. Наука, вечно утверждающая, что идёт вперед, в данном случае просто-напросто отбросила человека к шалашам древних стоянок и первобытной мифологии.

Любой философский словарь, в том числе изданный в советские годы, скажет вам, что «материя – это абстрактное понятие». Вы, конечно, щупаете стул, но стул – это не материя, а только мельчайшая часть её. Вы лижете мороженое, но это не материя, а опять-таки мельчайшая часть её. Полизать, понюхать и пощупать материю как таковую вам никогда не удастся. Материю можно только мыслить, и все наши атеисты и материалисты – великие теоретики, стоящие на ложных основаниях.

Не доступная в целом чувственному и опытному обхвату, материя только умопостижима. Её можно мыслить, напрягая воображение. У безбожника эта умопостижимая абстракция возводится в абсолют с целью вытеснить из сознания идею Бога. Был Бог – стала материя. Были заповеди – стали инстинкты. Вот уже и никакой ответственности. Ради этой подмены – весь фокус.

При этом материя атеиста должна быть движущейся. Неизвестно откуда взявшиеся сила и движение (аналог Духа Святого в голове безбожника) превращают материю в «слепого чудотворца». Чудо, в которое верит материалист, – это возникновение вещей, тел и душ из ничего не знающей и ко всему безучастной хаотической мертвечины. Хаос родит гармонию, труп рождает жизнь, не умея почувствовать даже тени любви к своему порождению. Именно на такой абсурд способно сознание атеиста, упрекающего нас с вами в том, что это наше сознание мифологично.

Многие науки человеческие усложнились безмерно, не дойдя до ясной истины. Знаток экономики при желании заткнёт за пояс или обманет любого непосвященного при помощи сотен сложных терминов и схем. Законодатель или юрист то же самое проделает с простым человеком в своей области. Такие же талмудические заросли ложной мудрости могут ждать нас и в вопросе происхождения жизни. Безбожный учёный способен напустить столько терминологического тумана на простую душу, что редкий человек избежит при этом внутреннего смущения. Но истина не только бездонна. Она ещё и проста. Истина может быть показуема способами простыми и всем доступными. Как по мне, любой музыкальный инструмент, любая коробка спичек или зажигалка и любая буханка хлеба ясно говорят человеку, что он явился в мир из Божиих рук, а не из мёртвой и безучастной материи.

Он – другой

Ни одному животному не нужен огонь. Их тела мудро приспособлены к перенесению воздушных перемен. Их пищеварение довольно одной сырой пищей и не требует варёного или жареного. И только один человек из всего живого царства не может жить без огня. Очаг для обогрева и для приготовления пищи мы найдём всюду, где есть человек. Пепел костра оставляет следы только на пути человека. Этих следов нет на пути животных. Кроме того, все животные боятся огня. Не прирученный ими и не нужный им, огонь для них страшен. Только один человек, преодолев страх и употребив Богом подаренный ум, сумел приручить огонь. Зажигалка в кармане или коробок спичек на каминной полке громче любых дарвинистских проповедников говорят о том, что человек не помещается в один ряд с прочими животными. Человек, как царь, выходит из этого ряда. Он другой.

Достоинно внимания и то, что древние люди мифом о Прометее ясно показали своё понимание особой природы человека. Равенство богам и выход из бессловесного рабства стихиям – вот что такое огонь в руках человека. Огонь, украденный у небожителей. И

тогда непонятно, что должно было случиться в душах европейцев (главным образом больны они), чтобы вернуться к тотему в виде обезьяны и отказаться от своей изначальной исключительности, став в строй со всеми животными, цель которых – служить человеку, а вовсе не быть с ним на одной ступеньке.

«В отличие от животных человек проявляет почти безграничную приспособляемость. Он может есть почти все, может жить практически в любых климатических условиях и приспосабливаться к ним. И вряд ли найдется такое психическое состояние, которое он не смог бы вынести и в котором не способен был бы жить», – это цитата из Э. Фромма. Он далее пишет (книга «Здоровое общество»), что человек способен быть мирным жителем и воином; свободным или рабом... «Едва ли существует психическое состояние, в котором человек не мог бы жить, и вряд ли есть что-нибудь такое, чего нельзя было бы сделать с человеком или для чего его нельзя было бы использовать».

Что хотите думайте, но перед вами характеристика существа, которое явно не вмещается в понятие «животности» и «эволюционного происхождения». Обезьяна не живёт за Полярным кругом, птица не плавает под водой. И только люди изначальны «другие». Они всё могут, и вся земля – территория их царствования. Человек – это «Бог в грязи», это «королевич в цыганском таборе», но это вовсе не животное, выросшее из бесконечного ряда низших животных.

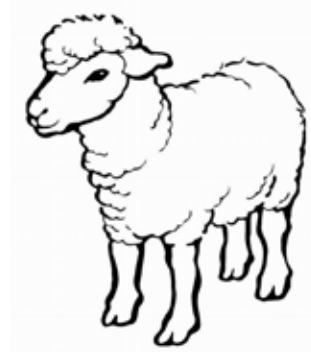
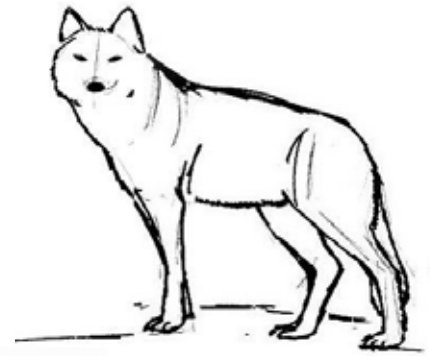
Такой трудный хлеб

Есть литовская сказка о волке и пастухе. В этой сказке голодный волк, смиренный голодом, приполз к пастуху с просьбой дать ему что-то поесть. Пастух дал волку кусок хлеба. Тот проглотил подарок и сказал:

– Какая вкусная у вас, людей, пища! Да если бы мы имели такую пищу, разве резали бы мы ваших овец?! Скажи, как добывается ваша пища.

И пастух стал говорить:

– Вначале землю нужно распахать.

Волк:

– И можно есть?

Пастух:

– Нет. Нужно землю засеять.

Волк:

– И можно есть?

Пастух:

– Нет. Нужно ждать всходов и молиться.

Потом посеянное вырастет.

Волк:

– И можно есть?

Пастух:

– Нет. Нужно урожай собрать.

А далее, как вы поняли сами, пастух будет рассказывать длинную историю превращения пшеничного зерна в хлебную булку, а волк будет перебивать его каждый раз неуместным вопросом: «И можно есть?» В конце концов волк скажет:

– Вкусная у вас, у людей, пища, но очень трудная. Скорее всего мы, волки, продолжим таскать у вас овец. Потому что трудно есть человеческую пищу!

Так простая сказка говорит нам: человеческая жизнь – не просто животная жизнь. Человеческая жизнь вкуснее и труднее. Всё, что окружает нас, одновременно вкусно (красиво, удобно...) и трудно. Животным это непосильно. Им это (кроме домашних котов,

питающихся почти человеческой пищей) и не доступно, и не нужно. Только человеческий мир сложен и вкусен одновременно. Это потому, что человеческий мир не помещен внутрь природы. Он настолько же природен, насколько и сверхприроден. Отсюда и вся его сложность и вся его вкусность.

Вот мы подобрались и к хлебу. Его сложное происхождение (пахать, сеять, ждать, жать, провеивать, сушить, молотить, молоть, печь) никак не подходит для примата. Сорвал – съел. Выкопал – съел. Отобрал – съел. Вот его естественные реакции. И совершенно невозможно представить настырное проникновение голодной обезьяны в тайны природы, так, чтобы эта обезьяна вспахала поле, посеяла зерно и долго ждала урожая. А потом (вдохновенная Кем?) молола зерно в муку, делала тесто, ставила тесто на огонь и ждала появления первой булки. Верить в эту картинку гораздо абсурднее верования в творение мира из ничего силой Всемогущего Бога. Так атеисты всюду рисуют нам картинки, верить в которые просто невозможно при наличии совести и аналитического мышления.

Чувство вечности

Пора бы сказать пару слов о скрипке или музыке вообще. Но надо обмолвиться о кладбищах. Их нет у животных. Животные умирают, как люди, но кладбищ, как у людей, у них нет. Очевидно, их смерть иная и отношение их самих к смерти иное, нежели у нас. Скорби о покойниках животные не знают. Памяти об усопших и ритуала, посвящённого им, тоже нет ни у кого из животных. Кладбищ нет ни у кого из них. Только человек, один во Вселенной человек не хочет смириться со смертью и жаждет её преодолеть.

Над природой мы взяли верх при помощи огня. Над смертью мы должны взять власть при помощи восстановления потерянной связи с Богом. Таковы две основные линии общечеловеческой истории. Больше линий не ищите. Их больше нет. Встать над природой и преодолеть смерть – вот и весь человек в его изначальном замысле. Вот почему

неандертальцы в могилах сплошь и рядом лежат в позе зародыша. Их ноги согнуты в коленях так, что касаются подбородка, голова склонена. Это вид эмбриона. И наш далекий предок говорил этим видом покойного тела, что он верит в пробуждение и вечную жизнь. Он верит в воскресение. Он на время вошёл в лоно Земли, чтобы после родиться к ещё одной жизни. Без письменности и батистовых рубашек, этот древний человек был гораздо умнее сегодняшнего европейца. Вечная жизнь была для него ожидаемой реальностью, и ни одно живое существо в мире не равно человеку в этом чувстве вечности.

Вполне возможно, что ни ситная булка в хлебнице, ни память о почивших сродниках, ни привычный огонь в мангале или очаге вас всё же не убеждает, что вы созданы Богом, а не случайно произошли от случайных животных. Спорить здесь не о чем, ибо человек не исчерпывается разумными доводами. Он насквозь мистичен (что ещё раз доказывает его Божественное происхождение). Спорь хоть до хрипоты и убивай собеседника сто раз в день неопровержимостью аргументов, человек всё равно выберет то, к чему склоняется его таинственное сердце. Склоняется по неизвестным самому человеку причинам.

Меня лично и белый хлеб, и коробка спичек достаточно убеждают в моей особенности от прочих тварей, а также в моей особой ответственности перед Богом моим. Ответственности, напроць неизвестной мышам и котам. Подозреваю, что по причине желания избежать особой ответственности люди и изобретают теории, роднящие нас с царством живых существ, лишённых совести.

Но я скажу о музыке. Даже не о Бахе скажу, слушая музыку которого, только подлинная обезьяна может остаться при своём дарвинизме. Я скажу о простом сольном пении юной девушки или о неумелой игре на скрипке ребёнка, движимого родителями к карьере известного музыканта. Неужели вы, видевшие это или слышавшие краем уха, не признаете в этом чуда? Из тончайших досточек (для нижней деки – клен, для верхней – ель) выделяется

сложнейшее орудие с четырьмя струнами. Для грифа нужно особой прочности другое дерево, и ещё особые лаки, секреты производства которых составляли средневековую тайну. Нужна зачем-то канифоль, без которой смычок не звучит, и ещё сотня премудростей, чтобы скрипка появилась на свет. И нужно убить на упражнениях с ней добрую дюжину лет, чтобы потом собрать воедино огромное количество таких деятелей и после года репетиций озвучить один из концертов Вивальди. Так обстоит дело с музыкой в очень упрощенном и схематичном виде. И это всё делает обезьяна?

Помилуйте! Зачем ей это? Столь сложные виды деятельности совершенно лишены бытовой пользы. Они вовсе не ведут к приспособляемости организма к внешней среде. Эти виды деятельности вообще вредны или хотя бы бесполезны с точки зрения выживания, накопления витальных сил и т.д. Не нужна обезьяне скрипка! Более того, обезьяне скрипка мешает. Вот почему все революционеры опрощают историю, стремясь изгнать вон из жизни всё, чего они не понимают своим обезьяньим умом.

Если же вам сложно думать о скрипках и обезьянах, я вам проще скажу. Или даже спрошу риторически: для чего козе баян? Сами знаете: козе баян не нужен. И Моцарт

не нужен павиану с красным задом. Павиану нужен Дарвин, а не Моцарт. Нужен, чтобы жульнически перескочить из животного царства в несвойственное ему царство человеке, а человека, наоборот, стащить до себя, до примата. Именно так поступали бандерлоги в джунглях Киплинга.

Учитесь молиться!

Вас будут тащить высоколобые враги в царство высокоумных абстракций. Вам расскажут о миллиардах лет, об ископаемых чудищах, о рыбах, выползших на сушу, о самозарождении жизни и проч. Слушайте их так же, как вы слушали бы бабушку Арину, когда та вещает про Ванечку, испившего из лужи и ставшего козлёночком. Чем бы, как говорится, дитя не тешилось...

Но, когда ваша жизнь встанет на обжигающую грань перехода, когда вечность, а не ветер шевельнет вам волосы, тогда не смейте баловаться в синантропов и австралопитеков. Тогда молитесь Богу Живому и Сыну Его – Иисусу Христу, чтобы спастись вам от вечных кошмаров и войти в подлинную жизнь. В это время вас оставят все болтологи и антропологи, все эволюционисты и дарвинисты. Они просто отвернутся от вас в тот самый важный момент, когда грозная реальность приблизится к вашей душе, отравленной лжеучениями. Вот тогда молитесь, если сумеете. Крепко молитесь, если сможете. Если вы в течение обычной жизни вообще учились молиться.

В тот день что вы, что я – всё поймем без подсказок. Ужас будет только в том, что ничего нельзя будет изменить. Поздно будет. Посему добро бы было прежде Страшного дня узнать в себе разумное Божие творение, а не обезьянье случайное изменение. Лично мне помогают это узнать такие незамысловатые и обычные вещи, как спички, дудочка и бублики. Или: скрипка, хлеб и зажигалка. Моцарт, ржаные сухарики и огонь в камине.

Давайте пригласим Бога на нашу молитву

Протоиерей Фёдор Бородин

Дорогие братья и сестры, здравствуйте! У святого апостола Павла есть такие слова: «*Любящим Бога... всё содействует ко благу*» (Рим. 8:28), или по-славянски – поспешествует. И в тех обстоятельствах нашей новой жизни, в том числе нашей церковной, нашей молитвенной жизни, которые так внезапно на нас обрушились, в них можно увидеть Промысл Божий и заботу о том, чтобы мы научились тому, чего мы не имеем, исправили то, что в нас неправильно.

Прежде всего, нам нужно научиться благодарить Бога за то, что в течение стольких лет храмы были для нас открыты, литургия всегда была доступна. Мы часто относились к этому как к чему-то само собой разумеющемуся. А это не так. Видите, неожиданные обстоятельства, даже не гонения, не безбожники, могут сделать так, что на какое-то время храмы могут быть закрыты, а Божественные Тело и Кровь Иисуса Христа будут для некоторых из нас недоступны. Как нам прочитать эти события как задание Божье? Первое – научиться благодарить. Второе – обратить значительно большее внимание на домашнюю молитву.

Давайте вспомним, что во время службы Стояние Марии Египетской будет читаться её житие. В нём будет рассказываться о том, что братия монастыря, где подвизался святой преподобный Зосима, на 40 дней, начиная с Прощёного воскресенья, и до Вербного уходила в пустыню на молитву. Таким образом, они пропускали богослужения, не участвовали в Евхаристии, не причащались Тела и Крови Христовых. А сама преподобная Мария почти сорок лет не причащалась – от своего первого причастия до своего последнего причастия.

Это практиковалось в Церкви, в этом есть определенный смысл, который Господь нам сейчас возвращает. Храмовая молитва очень во многом опирается на молитву домашнюю,

а домашняя опирается на те дары, которые мы получаем в церкви во время общей молитвы, и особенно во время участия в святых таинствах, в таинстве причастия Тела и Крови Христовых.

Пришло время нам вернуться к тому, чтобы наша домашняя молитва стала твёрже, больше. Чтобы мы научились её совершать так, как это положено христианину. Дело в том, что мы очень часто утреннюю и вечернюю молитвы совершаем на бегу и не успеваем предстать пред Богом, а днём больше не молимся. Для человека-молитвенника это катастрофа.

Давайте вспомним слова пророка Давида: «*Седмерицею днем хвалих Тя*». Святой пророк Давид, будучи главой строящейся огромной державы, ведшей войны, строительство, сам имеющий огромную семью и множество других забот, семь раз в день уединялся на молитву. Он чувствовал, что недостаточно помолиться утром и вечером.

Молитва похожа на костёр. Каждый из нас знает, что развести костёр в сырой траве сырыми дровами очень трудно. А вот поддерживать костёр значительно легче. Если даже под дождем в неостывшие, непогасшие угли положить поленья, они очень быстро сгорят. Вся практика христианская, богослужбная, монастырская, которой не мешала мирская суэта, но, тем не менее, мы можем на неё ориентироваться, построена на том, что человек молится часто в течение дня, несколько раз опирается на молитву, как бы заново разводит костёр, не дает погаснуть углям.

Когда ты становишься на молитву не так, что ты в 7 утра помолился, а в следующий раз — только в 10 вечера, а через полтора, два часа, два с половиной, тебе значительно легче встать пред Богом.

Давайте попробуем, пока мы на карантине,

молиться много раз за день. Прочитать утреннюю молитву, потом Канон молебный Матери Божьей, ещё через два часа – Псалтирь, потом – Священное Писание, затем почитать труды какого-нибудь святого, затем – Канон Господу, вечером – ещё раз почитать Священное Писание, почитать святых отцов о молитве, о подвижничестве и закончить день вечерней молитвой.

Если мы так с вами попробуем, то через несколько дней станем совершенно другими людьми. Мы будем вспыхивать на молитве молниеносно, нам не нужно будет время, чтобы пробиться через эту ледяную толщу, которой обростаёт наша душа.

Давайте представим себе, что этот карантин – такое задание Божье. Мы сразу поймём, что нам сильно мешает – суета. Нам нужно молчание. Поэтому не будем, как люди неверующие, нецерковные, в это время поглощать тоннами и километрами социальные сети, читать ненужные нам статьи, не будем смотреть сериалы и фильмы, а мы будем трудиться в молитве и тишине.

И вдруг мы увидим, что можем быть совершенно другими, мы можем быть молитвенными людьми, и всё будет совершенно иначе. Господь будет очень близко, и душа наша будет сразу, без всякого усилия, встречаться с Ним.

У преподобного Иоанна Лествичника есть удивительные слова в его великой книге «Лествица». Он говорит, что количество молитвы перерастает в качество. Нам очень часто кажется, что мы никакие не молитвенники, и вообще это всё сказано не про нас, мы оттарабаним правило за послушание и бежим заниматься суетой, или работой, или другими делами. На самом деле это сказано о нас. Потому что есть понятие о молитве и понятие о молитвенном труде.

Состоявшаяся молитва – это всё-таки диалог, когда Господь пришёл и таинственным образом поговорил с моим сердцем. Каждый из нас знает, как это бывает, чувствует, как это может

быть. В судьбе, в истории нашего сердца это было, у кого-то больше раз, у кого-то – меньше.

Но заставить Бога выйти на молитву мы не можем, мы можем Его пригласить. Молитвенный труд, возносимый даже из сухого сердца, и есть это приглашение.

В Священном Писании Ветхого Завета говорится, что Бог даёт молитву молящимся. Когда Господь видит молитвенный труд человека, Он понимает, что человек ищет, жаждет, хочет выйти на этот диалог. И рано или поздно Господь приходит. Молитвенный труд свидетельствует Богу о том, что человек хочет с Господом встретиться: «Пожалуйста, посети и мою душу тоже». Поэтому многих и частый труд в молитве очень быстро вознаграждается Господом. Он может быть не вознагражден, только если в нашем сердце есть непримирённость с кем-то и злое осуждение. Поэтому простить, за всех помолиться и потрудиться, пока мы закрыты дома.

И вы знаете, если мы так потрудимся, то потом, когда мы сможем в обычном своём режиме посещать храмы, у нас будет совершенно другой результат от храмовой молитвы. Давайте потрудимся так, чтобы этот карантин способствовал нам ко благу, ко спасению через молитвенный труд. Господи, помоги нам в этом!

А себе самому и всем нашим прихожанам я желаю бесстрашия, упования на Бога. Как только подступают мысли ужасающие, как только наступает то, что пророк Давид называет «избавь меня, Господи, от малодушия и от бури», надо вспомнить о Пресвятой Богородице и всех святых: «Сами себя и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим».

Мы – Божии, Господь нас ведёт через жизнь. Сейчас Он решил нам напомнить и вернуть нас к молитвенному труду. Давайте не будем этим пренебрегать. Храни вас всех Господь!

Наши раны – наша сила

Священник Харалампос Пападопулос

Боже, сохрани нас от того, что однажды я видел собственными глазами. Вы знаете, что мы как священники часто ходим домой к людям, когда перед смертью душа у них не может разлучиться с телом. Так я видел женщину, которая несколько дней мучилась, а душа всё не исходила. Дошло до того, что она бросилась передо мной на колени, совала себе руку в рот, чтобы... вырвать оттуда душу, – такой страшной была её агония, и только когда мы прочли над ней молитву о разлучении души и тела, её отпустило и она упокоилась.

Это происходит оттого, что страсти держат нас в земной реальности, и здесь мы говорим не о простых человеческих слабостях, а о пороках, в которых мы соработничали с дьяволом. Ненависть, злоба, когда клеветешь на кого-то, порочишь его имя, растаптываешь человека, лишь бы взяли верх ты и твой эгоизм. Это тяжкие грехи. Поэтому помните, что всё временно и наступит такой момент, когда ваше сегодняшнее испытание пройдет.

Вспоминаю старца Василия (Гондикакиса), как однажды, когда он проводил беседу, встал один юноша и говорит ему:

– Отче, я не верю в Бога! Беседы у вас хорошие, но только я не верю в Бога!

Старец ответил ему:

– Ничего страшного, ты стой там, где ты сейчас есть, а Бог знает, что делать дальше.

То есть ты сейчас проходишь через трудную фазу.

Другой говорит:

– Отче, у меня не стало молитвы!

– Ничего страшного! Иди туда, где молишься, и стой молча, ничего не говори, только: «Христе, я принёс Тебе тут то, что от меня осталось. Принёс Тебе всю свою с кровоточащими ранами жизнь. Ничего у меня нет, чтобы дать Тебе, и я даже не знаю, что Тебе сказать, о чём попросить, какие слова произнести...»

И стой там. Ничего страшного, стой и жди. Учись ждать перемен, благодати, учись ждать благодати Святого Духа, и она придёт.

Ещё один момент нам надо понять: постоянно протестуя против происходящего, мы не изменим ничего. Среди нас есть такие люди, которые протестуют всю жизнь. Но только это ничего не изменило в ней.

Это понятно: ты привык протестовать, но неужели тебе это не надоело? Неужели ты не видишь, что ни к чему хорошему это не ведёт? Не меняет твоей жизни? Попробуй-ка совершить какую-нибудь перемену. Что, не можешь? Тогда оставайся открытым для перемен, ты ведь для них не открыт. Они не приходят в твою жизнь потому, что ты их блокируешь, ты их бессознательно блокируешь. Поэтому они и не приходят.

Мы на поверхности своей души говорим: «Христе, я люблю Тебя!» – а на деле Его не любим. Ведь у нашей души есть слои. Тебе известны верхние слои, и ими ты говоришь: «Христе! Я хочу освободиться от этой страсти!» – а снизу твое «я» возражает: «Не трогай её, пусть будет, ничего страшного, мне с ней очень даже хорошо живётся».

Ты не хочешь от неё избавиться, потому что не научился жить по-другому, то есть духовно. Старец Емилиан говорит, что гневливый человек не хочет освободиться от своего гнева, потому что ему кажется, что он сможет жить только с гневом. Говорит себе: «Если у меня не станет гнева, мною же все начнут пользоваться. Если не прикрикну на жену, она же меня за пояс заткнёт! Если не продемонстрирую власти над подчинёнными, они же сядут мне на шею».

Поэтому давайте откроемся для перемен, потому что они не наступают из-за того, что мы их сами бессознательно блокируем.

Ещё один момент, о котором нам неплохо

было бы вспомнить в трудные минуты: наши раны и травмы, как бы парадоксально это ни звучало, – это наша сила. Раны – наша сила. Кафка говорит: «Единственное достояние моей жизни и моего существования – это мои раны». Это моё приданое. Потому что благодаря им я научаюсь, созреваю, развиваюсь, становлюсь мудрым и освящаюсь.

Если поищите, то увидите, что за творчеством любого художника стоит какая-нибудь рана. Никто не сочинил и не нарисовал чего-то стоящего для чего-то ещё, кроме как чтобы вырваться из своего ада, и ни один христианин и человек вообще не посвятил себя молитве иначе как для того, чтобы вырваться из своего ада. И в чём секрет святых? В том, что они взяли свой мрак, свои раны начиная с самого детства, и наполнили их светом. Это и есть преображение.

Как говорит святой Порфирий, в нас есть мрак, но только не оставайся во мраке, не заглядывай в мрак, не копайся в нём. Откройся, чтобы в тебя вошёл свет, чтобы пришёл Христос.

Это важно: не занимайся всё время грехами, дьяволом. Мы ведь больше говорим о дьяволе, чем о Христе. Мы не говорим о Христе, о свете, рае, Святом Духе, радости Святого Духа, о мире, красоте, а всегда копаемся в чем-то другом. Что, ты совершил грех, пал? Забудь об этом, не углубляйся в это, а иди к Свету. Помолись по четкам, выйди на улицу, чтобы встретить кого-нибудь, выберись на природу, не оставайся во тьме.

Почему же мы остаёмся там? Потому что наше «я» уязвлено оттого, что мы пали и наш имидж в наших же глазах испортился; наше идеализированное представление о собственном «я» рухнуло, ведь мы всё время думали, что мы замечательные, пушистые, сильные, могучие, самые хорошие, самые святые. И сейчас ты не можешь согласиться с тем, что совершаешь такие грехи, и начинаешь заикливаться на оплакивании своего греха. Эгоизм застревает в этом, потому что если бы наша душа действительно плакала во Христе, то ты пошёл бы ко Христу, а не копался во зле, которое тебе дорого обойдётся, если будешь всё время копать в нём.

Поэтому не надо допускать, чтобы всё это нас напугало. Вы можете увидеть, что мы часто повторяем нрав и поведение своих родителей, реагируем на проблемы, болезнь так, как реагировали наши родители. А что это значит? То, что в нас крутятся какие-то кассеты, которые нам в какой-то момент нужно стереть и переписать заново во Христе, чтобы автоматически не повторять чьих-то нравов.

Когда ты маленький, ты говоришь: «Вот вырасту, ни за что не буду делать как папа, и как мама не буду, которая была такой малодушной, неуверенной и всё чего-то боялась», – а делаешь точно так же, если не ещё хуже. Потому что в тебе записана эта кассета, этот механизм, эти реакции. Если изменишь их, ты изменишься и сам.

Прочту вам отрывок из моего любимого старца Емилиана Симонопетрского, который сказал нечто замечательное по этому поводу. Говоря о том, чего нельзя предвидеть, он пишет:

«В нашей жизни всегда будет происходить что-нибудь неожиданное. Уходишь в монастырь, чтобы проводить духовную жизнь, а в монастыре находишь плохих людей. Ты этого не ожидал. Идёшь в церковь и видишь там трудных людей. Ты этого не ожидал. Ты думал, что все эти пространства окажутся совершенными. А вышло что-то неожиданное. Хочешь получить келью в том крыле монастыря, где нет сырости, поселяешься там

и обнаруживаешь, что море вызывает у тебя аллергию. Идёшь и просишь: “Я хочу другую келью, геронда”. И так не можешь порадоваться ничему ни днём, ни ночью. Помысл тут же подсказывает тебе: “Встань и уйди”. И это тоже что-то неожиданное. Или я подхожу к тебе с той мыслью, что ты хороший человек, а в итоге вижу, что ты совсем не таков».

– Когда я выходила замуж, ты не был таким, сейчас ты совсем другой.

– Я женился на тебе хорошей, а сейчас ты какая-то кислая.

Но не спросишь: а почему она стала кислой? Между тем тебе не мешало бы спросить себя: «А почему она стала кислой, почему лишилась сладости? Может, потому, что я тоже приложил к этому руку? Сейчас у неё нет никаких желаний, а раньше ей так хотелось, чтобы мы ездили на какие-то экскурсии, ходили на прогулки. А сейчас она даже на улицу выйти не хочет. Почему?»

«Перед нами постоянно встает что-нибудь неожиданное потому, что у нас есть свои желания и требования», – пишет старец Емилиан.

То есть мы хотим контролировать события, хотим, чтобы они были такими, какими мы их себе представляем, потому что считаем, что мы знаем, как будет правильно и полезно, и думаем: «Чтобы я был счастливым, всё должно быть вот так». А оно выходит не так? Тогда мы расстраиваемся. Потому что у нас нет доверия к Промыслу Божию, мы не думаем о том, что Бог знает что-то такое, чего не знаем мы.

«Неожиданные вещи противны воле Божией и нашим желаниям, поэтому и кажутся нам неожиданными. А на самом деле они, по сути, не неожиданны».

Вы не раз видели, что какая-нибудь мелочь становится очень важной, и вот, ты уже не решаешься сесть в такси, на корабль, в самолёт, не идёшь на какую-то встречу – или же идёшь, и меняется вся твоя жизнь. Ты пошёл туда, познакомился с человеком, и он предложил тебе работу. Или же не пошёл и таким

образом избежал какой-то опасности. Ничего случайного не бывает.

То, о чём Церковь говорила веками, сегодня подтверждает современная квантовая физика, которая учит, что мы имеем дело с целой вселенной вероятностей. То есть я спускаюсь по лестнице, и у меня есть масса возможностей: упасть, поскользнуться, покатиться кубарем, споткнуться, нормально сойти. Бог, говорит святой Иоанн Дамаскин, всегда выбирает наилучшую для нас вероятность. Просто мы не можем сразу понять того, что произошло, но когда пройдут годы, можем сложить пазл и понять, почему это тогда случилось в нашей жизни.

«Человек, любящий Бога, всего ожидает и говорит: “Да будет воля Божия!” Начнётся ли дождь, буря, град, гром? – “Да будет благословенно имя Господне”.

Эти события дорого обходятся нашему плотскому мышлению, поэтому мы и считаем их неожиданными.

Чтобы каждый раз не смущаться и не расстраиваться, чтобы не волноваться и не создавать себе проблем, ожидай всего, чтобы быть в силах претерпеть всё, что придёт. Всегда говори: “Добро пожаловать, болезнь! Добро пожаловать, неудача! Добро пожаловать, страдание!”»

Это трудно, но это надо сделать, чтобы увидеть, что скрывается за болезнью и искушением. А если я не могу этого увидеть – тогда проявить терпение, надеяться, что когда-нибудь я всё-таки увижу, что за этим стоит. «Это принесёт тебе кротость, без которой не может быть никакой духовной жизни».

Странная Пасха. Как Бог учил меня, а потом утешал

О службе онлайн, освящении куличей и радостной встрече

«А что ты удивляешься? Боженка, чай, не глупее тебя, – говорила мне вчера наша соседка тётя Маша. – Ты своих девок воспитываешь? А потом понимаешь, что перегнула палку, и жалеешь, балуешь. Я в окошко-то вижу... Так и Боженка. Тоже воспитывает. Не хуже тебя. Только без перегибов, не как ты. Поучит, поучит... Видит, что усвоила, и утешает...»

В тот момент я рассказывала тёте Маше свою маленькую пасхальную историю, и она делилась со мной вот этими своими размышлениями.

История, в общем-то, незамысловатая. Началась она с того, что я с девчонками (дочками – *прим. ред.*) сбежала из московского коронавирусного карантина в эту нашу далекую глухую деревню.

Тусоваться здесь совершенно негде, развлечений ноль. Кроме огорода, в котором я ничего не понимаю. Ни тебе магазинов, ни аптек, ни деревенских клубов. Каждый третий-четвёртый дом заброшенный, а наш вообще на отшибе. Рядом только та самая тётя Маша. Никакого скопления людей. Для столичного относительно культурного жителя, скажем так, скучновато. Но хотя бы есть «наружу». И не самая плохая. Можно гулять и любоваться видами.

Больше двух человек можно встретить только на кладбище и в храме. А в церквушке этой и в мирное время прихожане – несколько старушек. В лучшем случае. Часто только батюшка и певчие. И всё. В общем, сплошная социальная дистанция и естественная самоизоляция.

Но вот это для меня было главным – в отличие от Москвы, где храмы закрыты для мирян, здесь можно ходить на службы. По крайней мере, когда всё это происходило, ни о каком закрытии или ограничении речи не шло.

В общем, я ликовала, что могу быть в церкви на Страстную и причащаться с детьми в Чистый Четверг. Я сочувствовала своим

московским друзьям и знакомым, которые такой возможности лишены, и радовалась за себя – православного везунчика. Я читала в Интернете размышления разных батюшек о том, «за что» или «для чего» нам вся эта напасть. И как правильно относиться к тому, что народ лишён самой главной службы в году.

– Но я-то не лишена, – облегченно вздохнула я. – Мы с детьми обязательно будем в храме на Пасху. Мне и относиться никак не надо.

Я изучала мнения разных православных медийных персонажей по поводу онлайн-трансляций богослужений – суррогат это или живая молитва – и, опять же, радовалась, что меня всё это не касается.

Если честно, я чувствовала себя вне этой коронавирусной церковной суеты. А скорее – над ней. И когда я в очередной раз читала в фейсбуке сокрушения какого-нибудь знакомого православного христианина, что «по грехам нам это всё», внутри, помимо моей воли, что-то сладко шептало: «Видимо, не всё у тебя так плохо с грехами, Елена Батьковна, раз ты-то на пасхальной службе, самой-самой главной, точно будешь... Счастливица».

Но в пятницу вечером, когда я заранее наглаживала наши с дочками красные пасхальные платочки, у пятилетней Антонины поднялась температура – 39,3. Потом началось всё то, что сопутствует отравлению или кишечной инфекции. Через час к ней подключилась двухлетняя Маша. В субботу утром – восьмилетняя Дуня.

В общем, вместо пасхального Причастия для «избранных» я двое суток носилась между дочками с градусником и тазиком. И время от времени тоскливо смотрела по направлению к храму и вздыхала: «А счастье было так возможно».

А тётя Маша потом скажет то самое: «Чай, Боженька не глупее тебя... Тоже воспитывает...» И посмотрит так, что станет ясно – а нечего было думать, что достойнее других.

Утешало то, что права оказалась соседка: «Без перегибов воспитывает Боженька». Но об этом чуть позже.

А пока я, с тазами наперевес, пыталась смотреть трансляцию пасхального Богослужения. И даже участвовать.

До этого я читала в Интернете отзывы моих знакомых об онлайн-службах на Страстной, и это вселяло некий оптимизм. Люди рассказывали, что наконец-то могли петь во весь голос молитвы и не стесняться отсутствия слуха. Разве что только соседи по батарее постучат. Что могли, наконец, видеть крупным планом лица родных и любимых священников, а не только чьи-то спины. И что это лучше, чем ничего. И что Господь был рядом, они это чувствовали. И с Ним-то нас никто не разлучит.

Я очень рада за этих людей. Правда. И меня восхищает, что они и в таких условиях чувствовали себя в храме и радостно кричали: «Христос Воскресе!» И слышали сердцем, как им «отвечают»: «Воистину Воскресе!» сотни онлайн-сомолитвенников. Я также знаю, что Бог не в бревнах, а в ребрах. И что с Господом человека разлучить нельзя, закрывай храмы или не закрывай.

Но скажу за себя. Мне лично совершенно не подошли эти онлайн-богослужения. Да, я тоже смотрела и пыталась молиться. И я очень благодарна тем священникам и мирянам, которые всё это организовали, чтобы хоть как-то утешить людей. Но служба и экран – это не моё.

Ещё в самом начале пандемии один знакомый батюшка сказал мне: «Сейчас наконец-то вынужденно уйдут все ненужные традиции – целования, прикладывания... Вот увидишь. Храмы могут закрыть, не дай Бог, и людям придётся учиться по-настоящему молиться».

Я тогда с ним согласилась. Но в ту пасхальную ночь поняла, насколько мне не хватает храмовой атмосферы. Именно её. И всех тех «ненужных»

традиций. Хорошо это или плохо, я не знаю. Может, и плохо. Возможно, я не молюсь, а просто тусуюсь. И для меня важен «антураж».

Но как же мне хотелось тогда почувствовать запах ладана, услышать едва различимый треск горящих свечей и ворчание бабушек, к иконе приложиться, в конце концов.

Увидеть детей, спящих на лавочках, и счастливые знакомые лица. И незнакомые. Батюшек, усталых, но таких радостных. Платочки эти красные увидеть, об которые сломано столько православных копий. Как же мне их не хватало! Не хватало толкотни, объятий, поздравлений. «Христос Воскресе!» – хором... А разговение всем приходом? Ну неужели никому не хотелось?

Это второстепенно, понятно, больше всего не хватало Причастия. Но как же все это оказалось дорого! Этот неповторимый церковный аромат.

Да, была моя первая Пасха не в храме. Странная Пасха. Тихая. Со слезами на глазах.

А до этого была первая Великая Суббота дома. Я читала у многих, что всё это «стадное» освящение яиц и куличей давно никому не нужно. Ну и хорошо, что его не было.

Но, знаете, мало какой день в году я люблю больше, чем Великую Субботу. Я всегда провожу её на подворье – с утра и до вечера. И бесконечные очереди с корзинками люблю, и яйца с куличами. И запах выпечки и ванили, который гоняет туда-сюда ветер.

Обожаю толпы людей, часто нецерковных. Всегда наблюдаю за ними. Лица у всех радостные, улыбчивые. Видно, что все ощущают себя частью чего-то большого и важного. Даже если до конца и не понимают, что именно сейчас, в эти минуты Христос, распятый за всех нас, лежит во гробе. Или уже спустился во ад.

Интересно, но у постоянных прихожан куличики часто скромные, неказистые, сделанные на скорую руку и «в последнем рывке». Страстная ведь, службы, не до того. А до этого был долгий и непростой пост. Зато у «сочувствующих» угощения традиционно

богатые. Хозяйки ставят на столы причудливо украшенные творожные пасхи – с цукатами, орехами, шоколадом, фруктами, пёстрыми узорами из каких-то посыпок, конфеток, съедобных стружек, наклеек, фигурок, затмевающими скромное «ХВ».

Да, это всё не главное. Но и главное одновременно. Потому что всех этих людей – верующих и не очень, светских и воцерковленных – всех НАС привёл сегодня сюда Господь. Он сам! И это бесценно. И это не заменит ни один монитор.

В общем, не было у меня моей любимой субботы. И Пасхи в храме не было. Хотя я знала, что Христос Воскрес! Воскрес, вопреки всему. И это было главным. Но и грустно было. Но как скажет потом в той же своей «богословской» речи тётя Маша: «Поучит Боженька и утешает, утешает...»

Утешение пришло в виде местного священника, отца Льва, который совершенно неожиданно появился у нас в воскресенье днём.

– Мама, там Муха наша (это собака) на батюшку нападает! – Услышала я из окна крики Дуни.

– На какого батюшку?

Выскочила на крыльцо и правда вижу батюшку с поднятыми руками, в руках этих шоколадки, а наша псина брешет и пытается до них допрыгнуть. Он приехал поздравить нас с Пасхой. Это было удивительно, потому что мы были у него на службе в местном деревенском храме раза три-четыре, не больше (всегда ездили в Оптину пустынь, которая в 15 километрах), никогда не общались, не считая одной исповеди, и он даже не знал, где мы живём. Но деревня же...

Подарил девочкам шоколадки, попил чай. Рассказал немного о себе. В семье их было (и есть) семь детей. Сами они москвичи, но в один прекрасный день родители всё бросили и переехали в эти места, поближе к Оптиной пустыни. Это, оказывается, об отце Льве и его брате-близнеце Нине Павлова писала в своей книге «Пасха красная»:

«Рядом с девочкой Василисой в оптинском храме нередко стоят двое белоголовых близнецов Лев и Макарий, названные так при рождении в честь ещё не канонизированных тогда преподобных Оптинских старцев Льва и Макария. В год канонизации старцев им было уже по шесть лет»...

Макарий, кстати, тоже стал священником. Вроде ничего глобального, мистического, но меня это очень впечатлило. «Пасха красная» – одна из моих любимых книг. Я прочитала её в первый раз на заре моего воцерковления, когда ещё не была замужем, сразу помчалась в Оптину пустынь и влюбилась в неё навсегда. И перечитывала потом много раз.

Здесь я молилась Оптинским старцам, чтобы они исцелили моего отца от рака. А какой-то местный чудаки, похожий на ряженого, вручил мне освященное масло. Тогда мой отец был уже в плохом состоянии, у него были жуткие анализы, он буквально разлагался изнутри, и дома у нас стоял ужасный запах. Каждый день к нам приходила медсестра делать уколы и разные процедуры.

Я привезла это масло домой, и мама капнула отцу в рот.

– А где запах? – спросила на следующий день медсестра.

Отцу сразу станет лучше, он проживёт ещё несколько лет. И впервые в жизни исповедуется и причастится. А день рождения у него 24 октября, в день памяти преподобных старцев Оптинских. А в совпадения и случайности я не верю.

Здесь я буду молиться о моём замужестве. И не только здесь. Потом я выйду замуж, привезу сюда своего супруга и каждый год мы будем приезжать сюда со своими детьми. А потом решим купить дом в этих краях. Именно из-за монастыря, ставшего нам родным.

Здесь я встречу много удивительных людей с их неповторимыми судьбами и историями. Многих из них привела сюда именно «Пасха красная».

И вот теперь отец Лев... Из моей любимой книги.

Мы говорили недолго, но я поняла, что он знает много интересного: об Оптиной, о ските. О местных бабушках, которые ходили пешком из нашей деревни в ближайшие открытые храмы за несколько десятков километров.

– Удивительно, но люди здесь всегда были верующими, – сказал отец Лев. – Все!

Это так. Правда, у многих вера очень своеобразная, но об этом я расскажу в другой раз.

На прощанье я показала, а потом подарила отцу Льву старые тетрадки, которые мы нашли в этом доме. Они принадлежали предыдущим хозяевам. Там от руки переписанное Евангелие,

тексты святых отцов.

– Это как научение нам, – сказал батюшка. – Нам иногда лень страницу прочитать, а люди переписывали...

...Вот такой была эта моя Пасха... Странной и грустной, и радостной, и с сюрпризами. Я рассказывала это всё тётё Маше, а она даже не удивлялась:

– Боженька, чай, не глупее тебя...

Само собой, кто бы спорил.

Елена Кучеренко

Письма второклассников к Богу

Может ли хватить детства на всю жизнь?

Люди так страдают на земле, неужели в твоём аду ещё хуже?

Может, я могу тебе чем-то помочь?

Цветы у тебя получились лучше, чем человек.

Зачем ты создал этот мир, ты что, не понял, что будет такая заморочка?

Как мне жить, чтоб все на свете были счастливы?

На земле столько бед и страданий, чтоб людям не жалко было умирать?

А что если люди тебя не любят, а боятся?

Почему весной, когда вечером Ты включаешь на небе звезды и дуешь на Землю теплый ветер и вокруг тихо-тихо, мне иногда хочется плакать?

Почему мир без нежности?

Боженька, а душу Ты мне вложил мою или чью-то?

Как умирает день? По старости?

Зачем ты сделал человека главным на земле?

Для чего нужна жизнь, а если она нужна, зачем люди умирают?

Это Ты послал дождь, чтоб он напоил жару?

Почему звери раньше говорили, а сейчас не умеют? Ну, вспомни, даже Змей беседовал с Евой.

Почему многие люди такие несолнечные?

Почему, когда любишь, всё нравится, даже яичница?

Когда меня не будет, я себя буду видеть?

Как стать воспоминанием?

Дорогой Бог, прошу Тебя, сделай так, чтоб, начиная от бабушки и кончая слонами, все были счастливы, сыты и обуты.

Хочу, чтоб в молодости я жила хорошо и счастливо, а в старости можно только счастливо.

Пусть все, на кого я посмотрю, улыбаются.

Открой нам нас.

Раздай всем людям доброту.

Давай договоримся, Господи, я верю в Тебя, Ты – в меня.

Если Ты найдёшь мою варежку, прошу вернуть. Только честно.

Мой папа работает моряком, пусть волны будут добрыми к нему.

Я бы хотела, чтоб у всех живых существ, у природы и даже у меня был хороший характер.

Научи моих врагов прощать своих врагов.

Я написал стихи. Они стыдные. Я их никому не показывал, но Тебе, Боженька, я покажу. Вот они.

Взрослые плачут слезами.

Взрослые плачут глазами.

Маленькие плачут сердцем,

Маленькие плачут жизнью.

Но если взрослый плачет, как маленький,

Значит, он и правда плачет.

На родительском собрании учительница говорила про меня так много хорошего, будто я умер.

Знаешь, хоть мне кажется, что души у меня нет, но иногда она всё-таки побаливает.

Самая тяжёлая болезнь на Земле, Господи, любовь. Но все человеки почему-то хотят заразиться этой болезнью.

Не бойся, Господи, я с Тобой!

Знаешь, а у некоторых людей на сердце ставни.

У детей должен быть свой Бог. Славный, добрый Богинёнок.

Самое большое чудо, которое Ты творишь для людей, это то, что Ты ничего не делаешь для них.

Можно мне не умирать, а?

Какие бы Ты поставил мне оценки за жизнь?

Старики – это усталые дети.

Каждое утро я хороню вчерашний день. Ведь он ушёл от меня навсегда.

Я горжусь, что у меня есть Ты.

Мы Тебя понимаем светлее, чем взрослые.

Я ещё маленькая, учусь во втором классе, грехов пока нет, но собираются.

А не было с Тобой так: кто-то Тебе симпатичен, но он не смотрит в Твою сторону?

Сколько раз я буду ошибаться в любви? Три раза уже есть.

Мама сказала, что я во сне плакал. Ты не помнишь, о чём мы с Тобой говорили?

Я сильно позорю Тебя?

Можно, я буду Тебе иногда сниться?

Если у меня что-то болит, это значит, Ты на меня сердисься?

Я бы попросила ума моим родителям, а то они меня совсем не понимают.

В разных книгах Тебя описывают по-разному. Где бы достать Твою фотокарточку. Хоть допотопную?

А если все люди попадут в рай, места там всем хватит?

За что мы стареем?

На каком языке говорят души?

Насколько хорошо я закончу свою жизнь?

Зачем мы приходим в эту жизнь из другой жизни?

На прошлой неделе к нам в класс пришёл новенький. Он такой... такой... Так что до прошлой недели все мои дни жизни не засчитывай.

Мне очень нравится, когда небо всё больше и больше облакачивается.

Когда сказку читают – она правда. Я родился, глянул, а мир уже такой злой, жестокий.

А когда на Земле стреляют, Ты что, не слышишь, Господи?

С Тобой я бы пошёл в разведку.

Тебе нравится, что творится на Земле?

Хотелось бы знать заранее, что у Тебя намечено: ещё одно наводнение или Земля сгорит огненным пламенем?

Ну, а теперь Ты бы создал во второй раз человека?

Вчера в школе объявили, что Ты есть. Здравствуй!

В эти майские дни, вспоминая войну...

В один из тёплых майских дней я оказалась у моря, где решила пройтись вдоль берега. Рядом прогуливались молодые мамочки с колясками и пробегали «и стар, и млад» на своей утренней пробежке. На одной из скамеек я увидела стройную фигуру элегантной пожилой женщины. Ещё издали я узнала в ней свою знакомую, в прошлом известную пианистку родом из Англии. Мери-Анн обрадовалась, увидев меня, и предложила присесть. Обменявшись приветствиями, и выразив комплимент погоде, мы стали делиться своими жизненными новостями. Мери-Анн рассказала, что теперь в её пенсионерском клубе, наконец, купили хорошее пианино, и она по общей просьбе делает для своих коллег-пенсионеров маленькие выступления. Знаю, какая для неё радость играть для публики, да и просто играть. Я видела, как она, женщина в возрасте далеко за девяносто, садясь за рояль в своём доме, мгновенно преображается, становясь частью музыки.

После рассказа о новом пианино в клубе, о своём музицировании, Мери-Анн сделала паузу. Мы какое-то время просто любовались тихой гладью моря. И тут мимо нас прошли люди, говорившие по-немецки. Мери-Анн как-то резко выдохнула и отчеканила, что она

не любит немцев, что из-за них ей пришлось пережить «непереносимые страдания». Далее шло подробное перечисление страданий юной английской девушки.

Мне, русской, было странно слышать такое негодование в голосе «страдалицы», лишившейся в военное время любимых сдобных булочек с корицей и периодически сталкивавшейся с перебоями поставок трикотажных женских чулок и – о Боже! – часто неподходящей к любимому платью расцветки. Представляете, во время войны в Англии продавались любые чулки, но зелёных к зелёному бархатному платью не было! Ну, как это пережить? Тут Мери-Анн добавила: «Проклятые немцы!»

Я молча слушала и вспоминала свою семью, в которой, несмотря на страдания, нет озлобленности против немцев. У моего дедушки по отцовской линии, военного хирурга, на войне погиб старший сын, а жена и трое других детей были разбросаны по всей стране, и связь с ними была надолго потеряна. Другой дед не был на фронте из-за своего очень плохого зрения, а все его шесть братьев и сестра погибли. Как же пережили гибель семерых детей их родители, мои прабабушка и прадедушка? И ведь никто не озлобился «на немцев».

Всю войну и много лет после неё голодали. Какие там сдобные булочки или чулки в тон платью! Моя мама до сих пор не любит чёрный цвет, потому что всё её детство ей приходилось донашивать вещи после старшей сестры: все они были много раз перелицованы и перекрашены единственной возможной краской – чёрной. Не маркий цвет. И к нему всё в тон.

А было время, когда моя мама со своей сестрой носили одну пару сапог: одна ходит в школу в первую смену, а вторая – после обеда во вторую. И всё бы ничего, да вот старшая сестра была на пять классов впереди, и размер обуви был под неё, а с младшей сапоги на ходу слетали. Не побегаешь! Даже если бы зелёные чулки были.

Фашисты сделали нашей семье в тысячу раз больнее, чем отсутствие каких-то вещей. В Белоруссии ими было сожжено девять тысяч деревень! И в одной из них, в деревне Сенкевичи под Бобруйском, сожжены все жители деревни, в том числе моя прабабушка, её дочери, невестки с внуками – всего двадцать семь человек только нашей родни.

С тех пор такой деревни на карте больше нет! И не на карте её тоже нет! И людей тех нет. И у тех погибших детей не родились свои дети...

А мой дед после войны посетил родные края, где уже не было его мамы, сестёр, племянников... и там он, на мой взгляд, просто надорвал своё сердце. На обратном пути в поезде не закрывал окно, наверное, у него так горело внутри, что только декабрьский

ветер мог попытаться остудить этот жар. Мой дедушка слёг с воспалением лёгких и умер через месяц после свидания с белорусской родной многострадальной выжженной землёй...

Но вернёмся в майский день XXI века. Вечером того же дня я увиделась со знакомой пожилой женщиной, чьё раннее детство прошло в оккупированном Гомеле. Елена Константиновна много раз рассказывала мне о своей жизни. Я помню её воспоминания о военных годах, о первых жизненных потерях: подружки светлых довоенных лет сгнули в еврейском гетто вместе со своими семьями. В годы оккупации мать Елены схоронила новорожденного сына, двухлетнюю дочку, мать, сестру, трёх племянников. Потом получила похоронку на мужа. От большой семьи остались только они вдвоём с Леночкой. Выживали, как могли.

А в сорок пятом году в освобождённом Гомеле, на пустыре недалеко от дома Елены и её мамы поставили бараки, огородили колючей проволокой и поселили пленных немцев, работавших на восстановлении города.

Пленных подконвоем водили к строительным объектам, и местные жители, сами пережившие ужасы оккупации, видели полуголодных и уставших бывших солдат немецкой армии, жалели их и подкармливали. Подкармливали тех, кто, может быть, до этого сжигал деревню за деревней и топтал оккупированную землю своими немецкими сапогами с жёсткими металлическими набойками. Они кромсали нашу землю, а мы их подкармливали. И Лена с мамой тоже не отставали в деле милосердия и любви: делились своими сиротскими крохами.

Спустя три четверти века Елена Константиновна помнит слёзы благодарности в тех голодных солдатских глазах. И сейчас она не вздрагивает от немецкой речи, и в её сердце нет места озлобленности, а в устах – ропота на судьбу и время.

Такие вот две разные женщины мне встретились в один майский день.

И эта история ни в коей мере не о национальностях! Она – о людских сердцах. Ведь сердце, перенёсшее много страданий, часто становится мягче, добрее, терпимее.

Наталья Жуковская

Маршал Жуков и сержант Авдеев

После войны семья наша почти два года кочевала по разорённой войной Украине, так как воинская часть отца восстанавливала разрушенные немцами аэродромы. На одном из полустанков отец, выскочивший с чайником за кипятком, вдруг вернулся, неся вместе с товарищем безногого солдата. За ними внесли солдатский рюкзак и старенький баян. Ноги у солдата были отняты по самый пах. А сам он был молод, красив и, что называется, в «стельку» пьян.

На удивлённые вопросы мамы и бабушки отец отвечал кратко и потрясённо: «Он пел!» Молодого инвалида старательно обтёрли мокрым полотенцем и уложили на топчан теплушки. Тем временем офицеры, желая установить личность солдата, проверили его рюкзак и были полностью сражены: безногий солдат был награждён пятью боевыми орденами, а отдельно, в красной коробочке, лежал Орден Ленина.

И был инвалид сержантом Авдеевым Николаем Павловичем от роду двадцати пяти лет. Офицеры, прошедшие войну, многие, как мой отец, ещё и финскую, знали цену таким наградам. Среди орденов лежало письмо. Видно было, что его неоднократно комкали, а потом расправляли. Письмо было подписано: «любящая тебя Шурочка». «Любящая Шурочка» писала, что будь у Николая хоть одна нога, она бы за ним в госпиталь приехала. А уж совсем ползуна она, молодая и красивая, взять не может. Так и писала Шурочка: «ползуна!» В вагоне повисла угрюмая тишина. Мама всхлипнула, бабушка убеждённо сказала: «Бог её накажет!» – и ещё раз бережно обтёрла лицо спящего.

Спал безногий солдат долго, а проснувшись, казалось, совсем не удивился, что едет неизвестно куда и неизвестно с кем. Так же легко согласился он остаться пока в нашей части, сказав при этом: «Там видно будет». Охотно откликнулся Николай и на просьбу спеть, с которой на удивление робко обратился мой отец, вообще-то человек не робкого десятка.

Он впоследствии как-то, казалось нам тогда,

робел перед Авдеевым. Это было преклонением перед уникальным талантом. Авдеев запел. Бархатный бас поплыл по вагону и словно заполнил собой окружающее пространство.

Не стало слышно грохота колёс, за окном исчез мелькающий пейзаж. Сейчас иногда говорят: «попал в другое измерение». Нечто подобное произошло тогда с пассажирами вагона-теплушки. Я до сих пор думаю, что мне довелось в детстве слышать певца, обладающего не только уникальным голосом, но и ещё богатой, широкой душой, что и отличает великих певцов от бездарностей.

Однажды спросила бабушку: «Почему, когда дядя Коля поёт, облака то останавливаются, то бегут всё быстрее?» Бабушка задумалась, а потом ответила мне, как взрослой: «А ведь ты права! Это у нас душа от его голоса то замирает, то к Богу устремляется. Талант у Коленки такой особый».

А вскоре произошло то, что заставило окружающих посмотреть на певческий талант Авдеева с ещё большим изумлением.

Через дорогу от школы, где жили офицерские семьи, в небольшом домике жила пожилая еврейка тётя Пейся со своей очень красивой дочерью Розой. Эта ещё совсем молодая женщина была совершенно седой и немой. Это произошло с ней, когда в одном из маленьких местечек Белоруссии немцы уничтожали евреев. Чудом спасённая русскими соседями, лёжа в подвале со ртом, завязанным полотенцем, чтобы не кричала, Роза слышала, как зовут её из рядом горящего дома её дети-близнецы. Несчастная мать выжила, но онемела и поседела.

В один из летних вечеров, когда Роза с лотком маковых ирисок зашла к нам во двор, на своей тележке на крыльцо выкатился дядя Коля. Надо сказать, что к этому времени он был уже официально оформлен комендантом офицерского общежития и получал зарплату, по существу был членом нашей семьи.

Женщины поставили перед ним тазик с вишней, мы, дети, облепили его, и он рассказывал нам что-то очень смешное. При

виде седой Розы дядя Коля вдруг замолчал и как-то особенно внимательно стал вглядываться в её лицо.

Потом он запел. Запел, даже не попросив, как обычно, принести ему баян. Помню, что пел он какую-то незнакомую песню о несчастной уточке-лебёдушке, у которой злые охотники, потехи ради, убили её утят-лебедят.

Могучий бас Авдеева то жалобно лился, то скорбно и гневно рокотал. Подняв глаза, я увидела, что все окна большого дома были открыты и в них молча застыли люди. И вот Роза как-то страшно замычала, потом упала на колени, подняла руки к небу, и из губ её вырвался молодой, звонкий и безумный от горя голос. На еврейском языке взывала к Богу несчастная мать.

Несколько женщин, бросившихся к ней, застыли по знаку руки певца. А он всё пел, а Роза кричала всё тише и тише, пока с плачем не упала на траву. Её спешно подняли, внесли в дом, и около неё захлопотал наш полковой врач.

А мы, рано повзрослевшие дети войны, как суслики остались сидеть молча в тёплой темноте южной ночи. Мы понимали, что стали свидетелями чуда, которое запоем на всю жизнь.

Утром пришла тётя Пейся и, встав перед дядей Колей на колени, поцеловала ему руку. И снова все плакали. Впрочем, в моём детстве плакали часто даже мужчины.

«Почему взрослые плачут?» – спросила я маму. «Это слёзы войны, – ответила мне она, – в войну-то нам плакать было некогда, да и нельзя. Надо было выстоять, чтобы детей спасти. А теперь вот слёзы и отливаются. Твоё поколение уже не будет плакать. Только радоваться».

Надо сказать, что я с горечью вспоминаю эти мамины слова. Радуюсь редко.

Шёл 1948 год. И вот стало происходить что-то странное, непонятное нам, детям. С улиц города стали исчезать инвалиды, которых до этого было так много. Постукивали палочками слепые, но безрукие и безногие, особенно такие, как дядя Коля, практически исчезли. Взрослые испуганно и возмущённо шептались о том, что людей забирают ночами и куда-то увозят. В один из вечеров я услышала, как родители тихо говорили, что дядю Колю придётся спрятать, отправить к родным мамы, на дальний казачий хутор.

Но здесь произошло событие, которое предопределило дальнейшую судьбу Николая Авдеева и стало таким ярким эпизодом в моей жизни. В 1947 году страна-победительница торжественно праздновала 800-летие Москвы. Повсюду висели флаги и транспаранты, проходили праздничные мероприятия. Одним из таких мероприятий должен был стать концерт в Доме офицеров.

Случилось так, что проездом на какую-то инспекционную поездку в городе на целый день остановился маршал Георгий Константинович Жуков. Взрослые называли его коротко и уважительно «сам Маршал». Именно так это и звучало – с большой буквы. Отец пояснил мне, что я видела его в кино, когда, как и все, неоднократно смотрела Парад Победы. «Ну, на коне! Помнишь?» – говорил отец.

Честно говоря, коня я помнила очень хорошо, удивляясь каждый раз, почему у него перебинтованы ноги. Маршала же я практически не разглядела. И вот офицерам объявили, что на концерте сводной самодеятельности воинских частей будет присутствовать Жуков.

Каждый вечер шли репетиции, и на одной из них было решено, что цветы маршалу буду вручать я. Не могу сказать, что меня, в отличие от моей семьи, это обрадовало. Скорее, наоборот. Мне вообще очень не хотелось идти на концерт, ведь я всё это видела и слышала неоднократно.

Теперь я уже никогда не узнаю, почему выбор пал на меня. Скорее, из-за совершенно кукольной внешности, которая, кстати, полностью не совпадала с моим мальчишеским характером.

Два дня у нас в коммуналке строчил старый «Зингер». Мне спешно шили пышное платье из

списанного парашюта. Шила мама. А бабушка, наспех нас накормив, вдруг стала днём, стоя на коленях, молиться перед иконой Святого Георгия Победоносца. Эта удивительно красивая икона была единственной сохранившейся из её большого иконостаса. В старом казачьем офицерском роду была она семейной. Много поколений молились перед ней, да и всех мальчиков у нас называли Георгием и Виктором. Я была удивлена, услышав, что бабушка непрестанно молится за дядю Колю.

В торжественный день из меня изобразили нечто вроде кукольной Мальвины, вручили сноп мокрых гладиолусов и раз десять заставили повторить приветствие высокому гостю.

В результате, когда подъехали три машины, и из первой вышел коренастый человек с суровым, как мне показалось, лицом и звёздами Героя на кителе, я всё начисто забыла. И буквально на одном дыхании выпалила: «Товарищ Жуков! Мы все вас поздравляем! Пожалуйста, живите долго со своим красивым конём!»

Вокруг раздался гомерический хохот. Но громче всех, буквально до слёз, смеялся сам маршал. Кто-то из его сопровождения поспешно взял у меня огромный букет, и Жуков, продолжая смеяться, сказал: «Ну вот теперь я тебя вижу. Пойдём со мной!» И подав мне, как взрослой, руку повёл меня по лестнице, в ложу.

В ложе стояли стулья и большое бархатное кресло для высокого гостя. Но он, смеясь, сказал: «Кресло для маленькой дамы!» – и, посадив меня в кресло, пододвинул свой стул ближе к перилам ложи. В ужасе и отчаянии от своего провала и позора я сжалась в кресле в комочек. «Как тебя зовут?» – спросил Жуков. «Людмила», – прошептала я. «Люсенька, значит!» – Жуков погладил меня по моим очень длинным волосам. Концерт начался.

На сцене танцевали гопак, пели все известные фронтовые песни, снова танцевали. Мне же хотелось одного: сбегать и забиться куда-нибудь в тёмный уголок. На маршала я боялась даже поднять глаза.

Но вдруг я просто подскочила от удивления. На сцене, вместо конференсье, появился мой отец. Напряжённым, каким-то чужим голосом отец объявил: «А сейчас перед вами выступит кавалер орденов (шло их перечисление) и кавалер ордена Ленина, танкист, сержант

Николай Авдеев!»

Дядю Колю давно уже знали и любили. Зал затих. Детским своим умом я не поняла сути происходящего. Но зрители в зале поняли сразу, что безногий человек на сцене был вызовом власти. Вызовом её безжалостному лицемерию по отношению к людям, которые, защищая Родину, защитили и эту самую власть. Власть, которая сейчас так жестоко и бессовестно избавлялась от покалеченных войной.

Я всё это поняла, повзрослев. А тогда два офицера вынесли на сцену Авдеева, сидящего в таком же бархатном кресле с баяном в руках. И вот полилась песня: «Уж, ты ноченька, ночь тёмная...» Голос не пел. Он сначала тихо плакал, а потом громко зарыдал от одиночества и тоски. Зал замер. Вряд ли в нём был тогда человек, который не потерял в войну своих близких. Но зрители не успели заплодировать, потому что певец сразу заговорил: «Товарищи! В старинных битвах отстояли Отечество наше и свою столицу – Москву! Но и за сто лет до нас прадеды наши погибали за Москву и Россию! Помянем же их!» И Авдеев запел: «Шумел, горел пожар московский...»

Показалось, это перед всеми совершенно зримо пошли в своих сверкающих киверах победители 1812 года. В едином порыве зал стал дружно и слаженно отхлопывать рефрен песни. В ложе стали раздаваться восхищённые голоса.

Я, наконец осмелев, посмотрела на Жукова. Он, сжав руками барьер ложи, откинулся на спинку стула. Явное удивление и восхищение читалось на его лице. Но вдруг баян замолчал. Руки певца бессильно упали на него, Авдеев повернул голову в сторону маршальской ложи, и серебряная труба его голоса в полной тишине пропела: «Судьба играет человеком, она изменчива всегда...»

Зал буквально взорвался от восторга. На сцене выросла гора цветов. Жуков слегка повернул голову и властно сказал кому-то позади себя: «Узнай, распорядись!» Здесь я наконец-то пришла в себя и, тронув Жукова за колено, сказала: «А я всё про дядю Колю знаю!» «Тогда расскажи», – ответил он мне и наклонился ближе.

Но раздались звуки рояля, и снова, но уже торжественно и скорбно, заполнил зал

фантастический голос: «Ты взойди моя заря, заря моя последняя...» В порыве чувств люди в зале стали вставать, многие плакали.

Я вновь посмотрела на Жукова. Он сидел так же, откинувшись на спинку стула, с вытянутыми на барьер ложи руками. Но глаза у него были закрыты, и лицо побледнело и стало печальным и усталым. Скорбно и моляще прогудел бас Авдеева: «Ты укрепи меня, Господь!» И в этот момент в неподалёку стоящей церкви ударили колокола. Зал бушевал. Жуков открыл глаза и, произнеся: «Фантастика!», снова наклонился ко мне и, как мне показалось, строго спросил: «Так что же ты знаешь про дядю Колю?»

Я заторопилась: «Его мой папа на станции нашёл. Он у нас теперь комендантом работает, и в семье, как родной. Он, знаете, какой добрый и всё-всё умеет!» Лицо маршала оставалось таким же печальным и усталым. «Детка, как ты думаешь, что для этого человека можно сейчас сделать?» - спросил он у меня как у взрослой. Я на секунду задумалась: «Баян ему доктор подарил, а он совсем старенький. Новый бы надо купить! Да уж это когда разживёмся», – заговорила я бабушкиными словами. «А главное – дяде Коле жильё какое-нибудь надо. Мы-то в целой каптёрке живём, а он в чуланчике возле котельной ютится!»

Жуков слушал меня молча и неулыбчиво. И вдруг спросил: «А тебе самой что хочется?» И здесь я поняла, что нужно всю пользоваться случаем. «Мне ничего не надо. Я вообще счастливая. У меня папа с войны вернулся. А вот Ниночке, подружке моей, нужен специальный детский дом, потому что она немая. У неё немцы язык отрезали и свастику на ручке выжгли. Это чтобы её родители-подпольщики

заговорили. Но они всё равно никого не выдали, и их расстреляли».

Я не увидела лица маршала. Он вдруг поднял меня на руки и крепко обнял. На какое-то время я услышала, как под кителем со звёздами Героя ровно и сильно бьётся сердце Жукова. Потом он опустил меня на пол и бросил: «Пошли!»

Дядя Коля сидел внизу на диванчике, смотрел, как мы спускаемся к нему, и лицо его показалось мне таким же усталым и печальным. Потом маршал подошёл к Авдееву и сел рядом. Некоторое время они сидели молча. Но вот Жуков заговорил.

О чём говорили они – безногий сержант и маршал со звёздами Героя – Николай не рассказывал, но бабушка говорила, что всю следующую ночь он не спал. Домой ехали мы с дядей Колей. В руках у меня были два огромных пакета с конфетами, а рядом на сиденье лежали два роскошных набора рижских духов.

На следующее утро Николая Авдеева увезли в штаб, где ему торжественно вручили сияющий малиновым перламутром аккордеон, а главное – конверт с ордером на комнату в большом и красивом доме. Комната оказалась тоже очень большой и красивой, с большим окном и паркетными полами.

Николай Авдеев окончил музыкальное училище и до конца жизни работал заведующим Дома культуры. А умер он рано, когда ему исполнилось 47 лет. У него было два сына-близнеца, которые стали впоследствии хорошими врачами. Дивный голос своего отца они не унаследовали. Он ушёл с ним.

За Ниночкой приехали из Киева и увезли её в хороший интернат, где, говорили, она была всеобщей любимицей. Но умерла Ниночка, не дожив до двадцати лет. Не знаю, то ли сердце её было сломлено пережитым ужасом, то ли, как говорила бабушка, родители-мученики ждали и звали её.

Отца же моего почему-то направили на курсы политработников в Смоленске. Служил он потом в войсковых училищах, и помню, что всегда заботился особенно о курсантах-сиротах. Многие из них, став сейчас седыми отставниками, вспоминают о нём с любовью и уважением.

Людмила Толкишевская

КТО БЕДЕН И КТО БОГАТ

Мы продолжаем публикацию бесед Эдуарда Качана с детьми из серии «Богдан и его семья (воскресная школа)»

Однажды летом папа с Богданом шли по улице. Им пришлось пройти мимо огромного кирпичного забора с коваными воротами. За забором виднелся огромный дом.

– Вот это ворота! – сказал Богдан, залюбовавшись искусными листиками и цветочками из кованого металла.

– Да, ничего, – сдержанно проговорил папа.

– Нет, ну, в самом деле – здорово! – не унимался Богдан.

Папа промолчал и только поморщился – ему показалось, что в словах сына промелькнула зависть.

– Здесь, наверное, живут настоящие богачи! – сказал Богдан.

– Не обязательно, – сухо ответил папа. – Здесь могут жить самые бедные люди на свете.

– В таком доме?! – изумился Богдан.

Папа вздохнул.

– Видишь ли, сынок, – начал он. – Бедность это не состояние кошелька. Это – состояние души. Еще Иоанн Златоуст говорил, что беден не тот, у кого ничего нет, а беден тот, кто хочет того, чего у него нет.

– Не понимаю, – покачал головой Богдан.

– Ну, вот смотри, – сказал папа. – Царь Давид был очень богат. Но вот когда-то он влюбился в замужнюю женщину, по имени Вирсавия. И все богатства показали Давиду ничем – ведь Вирсавии среди этих богатств не было! Тогда Давид убил ее мужа и взял её себе в жены. Обрати внимание, сынок – у Урии (а так звали мужа Вирсавии) в общем-то, ничего и не было, кроме красавицы жены, но в этой истории он оказался богачом, а Давид – жалким бедняком. Да – жалким бедняком, потому, что пошел на тяжкий грех ради того, чтобы забрать себе то, что хотел. А Урия ничего у Давида не забирал (См. 2 Цар. Гл. 11 и 12)...

Папа перевёл дух и посмотрел на сына.

Богдан молчал.

– Или вот, другой библейский Царь – Ахав, – продолжил папа. – Ахав тоже был человеком богатым – царь всё-таки. А у его соседа по

имени Навуфей был только виноградник (См. «Третью книгу Царств, глава 21). Однажды Ахав захотел купить у Науфея виноградник, но тот не продал. И Ахав, при всех своих богатствах, так расстроился, что даже хлеба не ел. Закончилось все трагично – Ахав убил Навуфея и забрал его виноградник себе. Как ты думаешь, сынок – кто в этой истории бедняк? Навуфей, который довольствовался своим виноградником и не продавал его ни за какое серебро, или Ахав, проливший кровь ближнего ради того, чтобы забрать себе то, что ему хотелось?

– Ахав оказался бедняком, – сказал Богдан.

– Вот видишь, – сказал папа. – Беден тот, кто хочет чужого.

– Пап, а Бог наказал этих царей? – спросил Богдан.

– Давида и Ахава? Да, конечно. Наказал, и строго. Бог не спускает сильному, когда тот обижает слабого. Но в нашем разговоре главное не это. Главное, чтобы ты понял – если ты не научишься управлять своим «хочу», ты будешь бедняком, даже купаясь в золоте! А если научишься – никогда не будешь бедным. Никогда, даже если у тебя на столе будет только хлеб и вода.

– Своим – «хочу»? – улыбнулся Богдан.

– Да, сынок, – сказал папа без улыбки. – Знаешь, как иногда бывает у малышей: «Мама, я хочу мороженое, папа, я хочу конфетку!..» На самом деле «хочу» живет в каждом человеке – и в малыше, и в старике. Оно само по себе не плохое – оно говорит, когда человек голоден или пить хочет, но только ни в коем случае нельзя позволять этому «хочу» командовать тобой! Давид и Ахав позволили, и «хочу» толкнуло их на пролитие крови. А как ты думаешь, зачем мы постимся? – спросил вдруг папа.

– Постимся? – удивился такому переходу Богдан. – Ну, кажется, если неплотно поешь, то легче молиться...

– Это правильно, – согласился папа. – Но еще важно то, что пост помогает нам совладать со своим «хочу». На самом деле ведь нет греха

в том, чтобы есть мясо или пить молоко хотя бы и круглый год. Но в посты мы добровольно ограничиваем себя от этих продуктов. Почему? Они ведь так вкусны! Но в том-то и дело, что когда мы постимся, мы говорим этому вкусному – «нет, нельзя!»! Наше «хочу» возмущается, сердится, но если мы тверды, то оно постепенно приучается к послушанию! И у святых было своё «хочу», но только оно знало – если сказано «нет» – значит нет, и никаких разговоров! И «хочу» привыкало к своему месту и не мешало святым жить.

– А оно ведь может мешать жить! – пробормотал Богдан, ещё раз вспомнив огромный дом за удивительным кованым забором.

– О, да! – сказал папа. – Ещё как! Дело в том, что если позволить «хочу» властвовать над тобой, то всё – никакой жизни не будет! «Хочу» можно усмирить, но разбалованное, раздутое «хочу» никак нельзя прокормить! Обязательно ведь найдется то, что ты ещё не ел, не пил, не видел... Например – ты ел вчера свинину? А «хочу» требует омаров. Ты поел омаров? «Хочу» опять не довольно, ему мясо анаконды

подавай! И так во всем. У тебя есть «Жигули»? «Хочу» требует «Мерседес». Ценой тысячи грехов достал себе «Мерседес»? «Хочу» опять не довольно – ему «Ламборджини» подавай! Появилось «Ламборджини»? «Хочу» требует яхту. Есть яхта? «Хочу» требует самолет. И этому конца и края нет, сынок. И потом, ведь, «хочу» всегда идет рука об руку с завистью, а ведь кем бы ты ни был, в мире обязательно найдется кто-то богаче или известнее тебя... И тогда «хочу» вместе с завистью сотрут твою душу в порошок, и превратят твою жизнь в ад еще здесь, на земле!

– Я понял, папа! – сказал Богдан. – У этих людей, которые живут в большом доме, много денег, но если они хотят того, чего у них нет – например, еще большего дома – то они – бедняки, да?

– Да, сынок, – ответил папа.

– А если мне хватает того, что у меня есть, то я – богач? – уточнил Богдан.

– Да, сынок, – кивнул папа.

Праздник Святой Троицы. Пятидесятница

– Мам, а когда у Церкви день рождения? – спросила как-то маму Тоня. – В день рождения Иисуса Христа? Или на Пасху?

– Я думаю, что в День Святой Троицы, – ответила мама. – Этот день всегда следует за Пасхой. Его отмечают в воскресенье через 7 недель.

– Пап, а почему это день рождения Церкви? – спросила Тоня.

– Потому, что именно в этот день началось победоносное шествие апостолов по миру и их проповедь.

Мама открыла вторую главу книги «Деяний святых Апостолов».

«При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. – Начала читать она. – И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им

разделяющиеся языки, как бы огненные, и почтили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго» (Деян. 2:1-4).

Мама закрыла книгу.

– На апостолов снизошёл Святой Дух, как и обещал им Господь (Деян. 1:8), – сказала она. – И они стали другими, не такими как раньше. Дух Божий преобразил их. Во-первых – они получили дар слова. Апостолы ведь были из Галилеи. А в то время в Иерусалиме находились евреи, живущие и в других местах – в Месопотамии, например, или в Риме, или в Азии (Деян. 2:7-10). Их языки отличались, и иногда сильно. Но все эти люди слышали проповедь апостолов о великих делах Божиих, причем каждый слышал эту проповедь на своем родном наречии. Интересно, правда?

– Интересно! – кивнула Тоня.

– Ты ведь помнишь историю о Вавилонской

башне? (Быт. 11, 1-9). Тогда у всех людей был один язык, и они принялись строить башню, высотой до небес, и Бог смешал их языки, так что люди перестали понимать один другого? Так прекратилось строительство, потому, что люди строили эту башню не на добро. В день сошествия на апостолов Святого Духа это разделение языков было чудом Божиим преодолено, потому, что апостолы проповедовали доброе – проповедовали веру в Иисуса Христа, и говорили, что нет другого имени под небом, данного людям, которым надлежало бы нам спастись (Деян. 4:12) – то есть наследовать Царство Божье.

Мама посмотрела на Тоню. Та молчала – слушала.

– Но не только в этом изменились апостолы, – сказала мама. – Ты ведь помнишь, что апостол Пётр трижды отрекся от Христа во дворе первосвященника? И другим апостолам тоже нечем было хвалиться в эту страшную ночь... Но после сошествия Святого Духа страх навсегда оставляет апостолов. Они проповедуют смело, радуются, что за имя Христа принимают побои от неверовавших иудеев (Деян. 5:40-41). Они вовсе не похожи на тех напуганных людей, которыми были меньше двух месяцев назад! Пройдёт время, и все они (кроме апостола Иоанна) будут убиты за свою проповедь. И никто из них больше не отречётся! Тот же апостол Пётр, спустя 30 лет, будет распят в Риме во времена гонений на христиан при императоре Нероне. И на этот раз он пойдёт на смерть бесстрашно – он действительно стал другим! Да, доченька, – подытожила мама. – После воскресения воплотившегося Бога Иисуса Христа, желание быть достойными Его у апостолов, конечно, было, а вот силы на это не хватало. И снисшедший на них Святой Дух дал им эту силу.

– А если человек не хочет быть учеником Христа, то Дух Святой не сходит на него? – спросила Тоня.

– Человек сам выбирает, как ему жить, – ответила мама. – Он может искать только земного – земного богатства, земной славы... Апостол Павел говорит, что такие люди живут по плоти. Плоды такой жизни будут горькими. «Дела плоти известны; они суть: ... вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия,

соблазны, ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное» (Гал. 5, 19-21).

– Это плохо – да, мама? – уточнила Тоня.

– Это не просто плохо, это страшно, – ответила мама. – Апостол Павел говорит, что живущие так Царствия Божия не наследуют (Гал. 5:21). Но Бог дает возможность всем желающим быть христианами, жить по духу. У этой жизни другие плоды. «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5:22-23).

– И мы должны стараться быть такими?

– Да, – сказала мама. – А Дух Божий, с того далекого дня Пятидесятницы живущий в Апостольской Православной Церкви, поможет нам этого достичь. Случай с отречением апостола Петра доказывает нам – сам человек своими силами не может справиться с искушениями, не может стать победителем в битве с грехом. Благодать Божья помогает нам обрести нужную для этой битвы силу. И наше дело – очищать свое сердце, готовить его к принятию благодати Божьей. «Не мерой дает Бог Духа» – говорит нам Господь. И действительно – Господь ничего для нас не жалеет, и Духа Святого даст просящим у Него (Лк. 11:13). Вот только – нам бы вместить! Будем же, доченька, молитвой, покаянием и жизнью по заповедям очищать свое сердце, чтобы оно было способно хоть сколько-то вместить благодати Божьей! И тогда, с помощью Духа Святого – сможем одолеть грех! Всё сможем, если будет нас укреплять Господь (Флп. 4:13)!

Dr. Natasha Voin
LEVEL 6

SUITES 618-619

147 PIRIE STREET, ADELAIDE 5000

(facing Hindmarsh square)

PHONE: (08) 722 518 89

(говорим по-русски)

OPENING SPECIALS:

GAP FREE dental treatment for children under 18 years of age (and 25 years for those with BUPA)

GAP FREE check, clean and x-rays (if you do not have any private health cover you will find our fees very reasonable)

Refer a friend and get ½ price tooth whitening

With a bright, modern environment, friendly atmosphere, spacious rooms, and state of the art equipment, you will feel confident that we can provide you with a service that will keep you smiling!

We have flexible working hours, so come see us in your lunch break, or bring the kids in for gap free dental care!

We are preferred providers with BUPA, HCF, accept all major health funds, Dept of Veterans Affairs (DVA), South Australian Dental service (SADS), we bulk bill Medicare Teen Dental scheme and have HICAPS facility for on the spot claims.

**Morozov
Migration
Services**

Anna Morozov - специалист по миграционному законодательству Австралии и зарегистрированный миграционный агент **MARN 0852237**, NAATI сертифицированный переводчик (English-Russian), предлагает:

бесплатную предварительную оценку шансов на получение виз в Австралию
полное сопровождение иммиграционного процесса и/или платные консультации по вопросам связанным с визами:

независимая профессиональная спонсируемая штатом/работодателем

студенческие визы - визы партнера

невесты - родительские визы

туристические и Skills Assessment

профессиональный перевод документов

Звоните: 08 8365 5550 / 0403 168 731

Пишите: info@morozovmigration.com.au

Damien Elberg

Peter Elberg

**Peter Elberg
FUNERALS**

The death of someone close, whether expected or sudden, is always a stressful experience for family and friends. Important decisions and detailed arrangements need to be made with the caring assistance of someone whom you can really trust.

**Serving the
Russian Orthodox Community
with professional care and
complete understanding**

***Proudly South Australian
Owned & Operated***

280 Grange Road, Flinders Park SA 5025 Ph: 8234 1266

